

всепутная история в романах

Юрий ТОРЧУБАРОВ

ГОСУДАРЬ ИВАН ТРЕТИЙ

Всемирная история в романах

Юрий Торубаров
Государь Иван Третий

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Торубаров Ю. Д.

Государь Иван Третий / Ю. Д. Торубаров — «ВЕЧЕ»,
2022 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8853-5

Вторая половина XV века. Иван Третий – великий князь московский и всея Руси – борется с мятежным Новгородом, и именно это занимает почти все его мысли. Между тем супруга, княгиня Мария, чувствует себя все хуже, а после ее смерти Иван вынужден меньше внимания уделять государственным делам и больше – воспитанию сына, Ивана Молодого, который с годами все больше проявляет своевольный характер – весь в отца! Доходит до того, что сын заявляет, что не хочет жениться, руководствуясь интересами государства. Только по зову сердца! Отец, поначалу разгневанный, вынужден смириться, но это означает, что придется теперь самому жениться так, чтобы от этого союза получило выгоду Московское государство. И пусть Иван еще не стар, но невеста не должна быть очень молода. В итоге он принимает предложение, исходящее из Рима, и женится на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-8853-5

© Торубаров Ю. Д., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Об авторе	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий Дмитриевич Торубаров Государь Иван Третий

© Торубаров Ю.Д., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

Об авторе

Современный писатель-историк Юрий Дмитриевич Торубаров родился в городе Барабинске Новосибирской области в семье железнодорожников. По долгу службы семья Юрия часто переезжала с места на место. Из Барабинска перебрались в Новосибирск, потом отца перевели под Кемерово работать на крупнейшем местном железнодорожном узле Топки. Здесь, в Топках, его семью и застала война. Отец вскоре ушел на фронт. Воевал он в железнодорожных частях, держал в рабочем состоянии один из участков Дороги жизни для осажденного Ленинграда.

В Топках Юрий пошел в школу. Мальчик много читал, любимым его уроком стала история. Но своим увлечением Торубаров обязан не столько книгам, сколько преподавателю истории Е.И. Гакову. Это был настоящий энтузиаст своего дела, на его уроках никогда не было скучно. Всем своим ученикам Гаков сумел привить глубокую любовь к родной земле, к прошлому нашего Отечества.

После окончания средней школы Юрий планировал поступить в Московский историко-архивный институт, но обстоятельства сложились так, что ехать далеко не пришлось, Торубаров поступил в Кемеровский горный институт. Получив диплом горного инженера, был направлен в шахтерский город Междуреченск, недавно образованный на юге Кузбасса. Здесь молодой специалист прошел весь трудовой путь горняка – от должности горного мастера в шахте до начальника большого угольного участка.

Карьера стремительно шла в гору, но тяга к истории не пропадала. Оказавшись по долгу службы в Калуге, Торубаров случайно увидел местную карту, где на юге области заметил одно до боли знакомое название – Козельск. И тотчас в памяти всплыл давний урок истории, где Ефим Игнатьевич Гаков весьма эмоционально рассказывал о подвиге жителей этого города. «Еще тогда, в школе, – вспоминает писатель, – для меня Козельск стал иметь какое-то особое значение. Возникло непреодолимое желание побывать на этом героическом клочке нашей земли. Я задержался и на следующий день поехал туда. Трудно передать, какой душевный трепет вызвала во мне короткая надпись на въезде в город: “Козельск”. Я даже не верил, что попал сюда. Пока я гулял по его улицам, в моей голове созрел план первого романа. Вернувшись к себе в Сибирь, я засел писать этот роман. Я еще не раз побывал в Козельске, посещал библиотеки, собирал материал».

Роман был закончен в 1991 году и принят Воениздатом. Но тут завертелось неумолимое колесо истории. Полным ходом шла приватизация, а публикация все оттягивалась и затягивалась, пока наконец, после ряда внутренних споров и разбирательств, это издательство не перестало существовать. Узнав об этом, писатель слегка отчаялся, но решил попробовать предложить рукопись в другое издательство. Своей несомненной удачей Юрий Торубаров считает встречу с Д.С. Федотовым, редактором издательства «Вече». Роман был принят к публикации и в 2007 году увидел свет. Доброжелательное и чуткое отношение опытного редактора буквально окрылило писателя, и он снова взялся за перо. Вслед за романом о героической судьбе Козельска последовало продолжение – «Мечь Аскольда», где события развиваются после захвата Козельска татарами-монголами. Некоторым защитникам города все же удалось спастись и укрыться в непроходимых лесах. Аскольд, сын погибшего воеводы Сечи, начинает жестокую партизанскую войну...

Писатель потратил два года на написание этого романа. Но история борьбы русичей против Золотой Орды не отпускала. Еще через год вышел третий роман, посвященный этой теме, – «Таинственный двойник», книга, которую сам писатель на сегодняшний день считает лучшей в своем творчестве. В поисках материала для своих произведений Торубаров много путешествует – Великий Новгород, Суздаль, Можайск, посещает церкви, монастыри, музеи, местные

библиотеки. Результатом этих поездок и визитов стали два совершенно новых, не похожих на предыдущие романа – «Иван Калита» и «Офицерская честь». Первый повествует о «собира-теле земель русских» Иване I, действие второго происходит во времена Наполеона Бонапарта. Юрий Торубаров продолжает активно работать.

Избранная библиография Юрия Торубарова:

- «Тайна могильного креста» (2007)
- «Мечь Аскольда» (2009)
- «Таинственный двойник» (2010)
- «Офицерская честь» (2011)
- «Иван Калита» (2011)

Глава 1

Рим. Вечер. Город во власти черно-пепельной тучи, которая тихо приползла с моря и погрузила его в ночную темноту. Упершись в Апеннинский хребет, она разрядилась громовыми раскатами. Видимо, от злости, что не может преодолеть хребет, она стала поливать землю проливным дождем, который разогнал римлян по их домам. Даже таверны опустели. Кому же хочется промокнуть до нитки? И город погрузился в сон. Окна домов, озаряемых редкими стрелами молний, выглядели в этот момент с площади Святого Петра как бельмо на глазу слепого музыканта. Освещенная фонарями, расставленными по ее периметру, в их тускло отражаемом свете она сейчас была похожа на озеро, покрытое волнистой рябью. Казалось, все кругом вымерло.

И только на втором этаже Бельведерского дворца из-за небрежно задвинутой шторы пробивался свет. Это была потайная комната папы римского. В ней он встречался со своими преданными друзьями. Иногда сюда приводили и противников папы, которые редко возвращались живыми.

Это было уютное гнездышко. Мягкие, с наклонными спинками бархатные кресла, посредине круглый, инкрустированный золотом столик. Стены обтянуты светло-зеленым шелком. Вдоль стен расставлены пальмы, промежутки между которыми занимал цветущий кустарник. Слышалось птичье пение. А освежающий аромат приводил гостя в умиленное состояние. Разве это не рай? И даже те, кто здесь часто бывал, не могли отделаться от этого чувства. Редко острый глаз мог заметить за зеленым занавесом скрытый эркер. Если бы он заглянул туда, то увидел бы роскошную кровать под балдахином. Наверное, здесь усталый папа набирался сил. Или...

Промозглая погода принесла с собой прохладу. В большом мраморном камине потрескивал огонек, пляшущий то на одном, то на другом полене. Казалось, он хотел поскорее охватить эти поленья, словно кто-то мог их у него отобрать. Тепло, исходившее от камина, вносило свою лепту в уют помещения. На столе красовались золотые кубки, разные фрукты, бутылки с дорогим французским вином.

Попасть в эту комнату было непросто.

За дворцом, за узкой дорогой, стоял неприметный двухэтажный каменный дом. Он прятался за оградой с калиткой, наглухо закрытой толстой дубовой дверью. Она открывалась только по команде из дворца, передаваемой через пружинистую колотушку. Монах, встречавший посетителей, взмахом руки, не произнося ни слова, предлагал следовать за ним.

Они входили в дом. По неширокому полутемному коридору проходили в конец здания, где виднелась лестница, ведущая вниз. По ней в полном молчании спускались монах и посетитель. Затем поднимались по лестнице вверх, и вскоре их встречал яркий свет и белый мрамор лестницы. Они входили во дворец.

Монах останавливался перед дверью, дергая за шнур. Она неслышно открывалась, и они оказывались на площадке перед новой дверью. Переступив порог, неизвестный и неузнанный гость попадал в земной рай.

Этим путем проходили и те, кто неоднократно здесь бывал. Только кардиналы могли пройти папской дорогой. Дверь его покоев была задрапирована так, что сливалась со стеной. Открывалась она неожиданно. Входил папа, а за ним кардинал.

Так было и на этот раз. Гостем был... великий епископ Польши и Литвы Збигнев Олесницкий! Жив оказался курилка. Правда, он сильно изменился. Его лицо стало похоже на мумию. Но глаза по-прежнему горели молодым огнем, и он довольно легко шел за монахом.

И вот он в давно знакомой комнате. Как всегда, сел в кресло спиной к окну. Так труднее было разглядеть его лицо. Старый хитрец хорошо знал, что наблюдательный хозяин мог и по

лицу прочесть мысли. Пока Збигнев осматривал комнату, пытаюсь отметить, что в ней изменилось, неслышно открылась дверь. Вошел папа Павел. Он был грузным, стареющим человеком. Домашний колпак, надвинутый почти до глаз, закрывал широкий лоб. Мясистое лицо было тщательно выбрито. За ним выглядывало довольное лицо кардинала Виссариона, бывшего Никейского митрополита. Он был немного выше среднего роста. Из-под черного клобука выбивалась прядь седеющих волос. А его серые пытливые глаза просверлили склонившегося в поклоне гостя. Епископ отставил кресло, подошел к папе и поцеловал его руку. Тот, возложив свою длань на голову Збигнева, что-то прошамкал толстыми губами, и они сели по своим местам.

Папа повернул голову к Виссариону. Тот, понятиливо кивнув, начал:

– Нас заставили пригласить вас, великий епископ, – при этих словах на обтянутом пергаментной кожей лице появилось что-то вроде улыбки; судить о том можно было по складкам, которые собрались около сухих губ, – обстоятельства, сложившиеся в Европе. Наверное, Збигнев, вам хорошо известно, что турки после своей ошеломляющей победы над Византией, взяв Константинополь, положили эту империю в гроб. Думаю, что победа досталась им тяжелой ценой. Но мне, как и многим другим, – он опять повернул голову к папе; тот, уже догадавшись, что хочет сказать кардинал, опять кивнул, – думается, что они – наш опаснейший враг, – зачем-то пояснил Виссарион, хотя перед ним сидел опытнейший и хитрейший политик, отлично знающий, что делается не только вокруг его Польши, но и далеко за пределами окружающих стран. – Мне думается, что турки на этом не остановятся. Временная победа молдавского господаря только раздражила турок. Это поражение показало им, что надо лучше готовиться. Сегодня о том, что восточное пугало усиленно вооружается, докладывают те, кто временами оказывается там. Поэтому нужно срочное объединение сил. Польша должна возглавить этот крестовый поход.

Виссарион остановился и взглянул на Збигнева. Понимая, что кардинал хочет услышать его ответ, епископ тонкими сухими пальцами постучал по крышке круглого стола и заговорил:

– Из всех стран Польша потеряла больше всех. Наш король Владислав, когда другие нежились в мягких постелях, героически вступил в бой с клятым врагом. И он остался на поле брани. Да, мы в Польше видим растущую и грозную опасность. Но скажу честно, нам мешает наша междоусобица. Казалось бы, литовский король сидит у нас на троне, радуйтесь! Однако литовцы не желают жить под польской короной. У них главная, тщательно оберегаемая мечта: быть свободными и жить, как они жили прежде. – Епископ замолчал, поочередно посмотрел на папу, потом на кардинала.

Губы папы задергались, что было признаком нарастающего недовольствия.

– Что же будем делать? – внятно произнес он. – Сегодня, похоже, в Европе, кроме нас, никто не обеспокоен надвигающимися событиями. Франция, только что закончившая свою Столетнюю войну, радуется победе и зализывает раны. И Людовик XI – не Людовик Святой. Он не очень-то горит желанием биться с неверными. Император Фридрих никак не может управиться со своими баронами, каждый из которых спит и видит, как забрать у соседа кусок пожирнее. – Папа после этого выдохнул, словно сбросил тяжелый груз.

Его слова показали, что он хорошо владеет обстановкой в своей католической епархии.

– Добавлю, – проговорил Виссарион, – ваше святейшество, император в душе желает, чтобы другие проливали кровь за Христа, а он бы пришел и подобрал измотанные вконец государства.

По лицу папы можно было понять, что эти слова ему не очень понравились.

– Что же получается, – заметил епископ, – в Европе туркам некому противостоять?

Виссарион посмотрел на папу. По опущенным бровям понял, что ему можно говорить.

– Почему, есть!

– Кто же это? – поинтересовался Олесницкий.

– Россия, – ответил Виссарион.

Брови, вернее, то, что от них осталось, поднялись на морщинистом челе епископа. Виссарион, скосив глаза на папу, продолжил:

– Нам стало известно, что молодой русский князь Иван, кажется, Третий, усиленно объединяет Русь, взяв под свою руку Ярославское, Ростовское княжества. На очереди и Тверское. Епископ был крайне удивлен и растерян. Он живет почти рядом и не знает этого.

«Кто же им это доносит?»

– Если вы так хорошо все знаете, то зачем я вам? – спросил епископ, тихонько постукивая по столу.

– Зачем? – Виссарион взглянул на папу и проговорил: – Нам надо этого северного медведя натравить на турок.

Епископ ухмыльнулся:

– Вы хотите силой заставить Ивана служить вам? Напрасные надежды! Да, сегодня Россия, как вы говорите, сильна. Наши князья не смогут этого сделать.

Папа и Виссарион, услышав эти слова и уловив в его тоне скептицизм, чуть не разом произнесли:

– Мы это понимаем. Но есть и другой способ побеждать.

– Хитрость! – И папа выразительно посмотрел на кардинала.

Тот понял и, кивнув, заговорил:

– Епископ, вы правы. Силой медведя не заставить, а вот лаской, жаркими объятиями, наконец, женскими чарами...

– Ха! Ха! – рассмеялся скрипуче епископ. – Но... насколько мне известно, у него есть... жена. И я знаю, что до сих пор русские князья отличались своим постоянством. Взять их доблестного князя, как они его зовут, Донского...

– Это так, – подняв руку, заговорил Виссарион, – но жены ведь и умирают.

Быстрый взгляд епископа сказал о том, что... он все понял и одобряет такой путь, и ему стало ясно, зачем он здесь. Да, затевается большая, очень большая игра, результатом которой могут быть далеко идущие события, могущие изменить историю чуть ли не половины мира.

– Я выполню все, что будет угодно нашему Господу. – Епископ приподнялся и, сложив руки, поклонился папе. Поднял голову, посмотрел на папу и спросил:

– Если не секрет, кто же выбран, ваше святейшество, для этой цели?

Взгляд Виссариона вновь обратился на папу. Кардинал кашлянул и ответил:

– Софья Палеолог.

Это была его кандидатура, как и весь план. Он-то и помог ему получить звание консула.

Услышав эти два слова, глаза у епископа округлились.

– Палеолог – и... в берлогу! Нет! Не поедет! – заявил он решительно.

Виссарион усмехнулся:

– Поедет... как миленькая, коли есть будет нечего.

Епископ отвел глаза в сторону.

– Да, да, не сомневайтесь, епископ, – проговорил Виссарион, улыбаясь. – Надеюсь, вы не останетесь в стороне от нашего святого дела?

– Я же сказал, – недовольным тоном ответил тот.

Удивление Олесницкого можно было понять. Палеологи! Царствовавшая почти две-сти лет династия великой Византийской империи, восточная наследница великой Римской империи. Первому Палеологу захватить власть помог, на свою голову, никейский император Михаил Второй. И вот спустя столетия племяннику великого константинопольского императора пытаются использовать как простую девку. И кто!

– Чего же вы от нее ожидаете? – спросил он, языком облизывая сухие губы.

– Она должна склонить своего мужа принять Флорентийскую унию! – не без гордости ответил Виссарион.

Епископ покачал головой и, вздохнув, произнес:

– Не удалось Исидору... М-да-а... всяко бывает. Но... – Он не договорил, только опять вздохнул.

– Ну что, закончили? – спросил папа.

Виссарион и Олесницкий закивали головами. Папа взял лежавший перед ним колокольчик и позвонил. Тотчас открылась дверь, и показался монах.

– Неси! – бросил папа.

Вскоре стол был заставлен всякими яствами.

К концу обеда епископ внезапно вернулся к теме их встречи, хотя разговор уже витал вокруг новых африканских католиков. Вспомнили даже о Людовике Святом, тоже стремившемся обратить африканцев в католичество и отдавшем за это свою жизнь.

– Я слышал, что Софья весьма красивая дева, – проговорил он. – Думаю, хорошее оружие выбрал ваш святой дом. Сколько крови оно может сберечь!

– Да! – неопределенно вздохнул папа, острым ножом отрезая кусочек запеченной телятины.

– Что ж, – продолжил епископ, – я думаю, неплохо было бы обсудить пути решения столь сложного вопроса.

– Это будет весьма желательно, – произнес папа, прожевав мясо, и повернул голову к Виссариону.

– Хорошо, ваше святейшество, мы обсудим все с епископом. Я рад, что он предложил свои услуги. Его опыт поможет нам развязать многие узлы.

Папа благодарно наклонил голову.

Глава 2

Софья Палеолог сидела у широко открытого окна, под которым благоухал цветник. На ее коленях лежали ручные пяльцы, а она, поставив локоть на коленку, задумчиво глядела в даль, подернутую легкой синевой тумана. О чем думала она? О городе Мистре, где родилась и росла? Или о замечательной морельской земле, где ее отец, Фома-младший, брат константинопольского императора, был господарем небольшого государства? А может быть, о своей старшей сестре Елене, ставшей венгерской королевой и забывшей свою сестру и братьев. Или... да о чем может думать дева ее лет, живя в чужом городе? Да...

Ее думу прервал топот копыт и грохот колес. Здесь редко кто проезжал. Софья, словно очнувшись, даже вздрогнула. За невысокой оградкой, где проходила мошенная дорога, она увидела знакомую карету. «Он», – без особой радости подумала она. «Он» был папским кардиналом, его правой рукой.

А совсем недавно, когда они бежали из Мореи от страшных османских полчищ на Корсику, он, Никейский митрополит, был ее... воспитателем. Но вскоре Виссарион уехал в Рим. Там он был хорошо принят и вскоре стал папским кардиналом. Вероятно, благодаря его заботам папа взял их под свою руку, и они оказались в Риме. При переезде на их корабль напали пираты. Ей, как и всей семье, грозила смерть по приговору главы банды. Но неожиданно за них заступился Бубон, известный на всем Средиземном море разбойник. Его, еще совсем молоденького, судил господарь Фома. Он отчего-то пожалел молоденького бандита с приятным лицом и наивным взглядом и не поленился долго наставлять его. У того даже показались на глазах слезы. «Ну вот!» – довольно вздохнул господарь и велел его отпустить. Увидев господаря, над которым была занесена кривая сабля, Бубон подскочил к палачу и отвел его руку.

– Ты Фома? – спросил он, тщательно вглядываясь в его лицо.

– Да, – ответил тот.

– Пусть живет! – повернувшись к главе и исподлобья глядя на него, властно и твердо заявил он.

Ссориться с таким известным бандюгой у палача не было желания. Он только спросил:

– Почему?

Тот ответил коротко:

– Я ему обязан жизнью.

Но драгоценности они забрали. Правда, Фома кое-что смог спрятать.

Это Виссарион помог Фоме выбрать этот двухэтажный дом со многими комнатами, где была даже своя банька с небольшим бассейном. Фома тогда пожаловался на нехватку своих средств, глядя на строение. Но Виссарион заверил, что папа хорошо поможет, если...

– Если? – поинтересовался Фома.

– Если господарь пожалует папе великую святыню – голову апостола Андрея.

– А откуда вам это известно? – удивленно спросил Фома.

– Каждый католик считает за честь верой и правдой служить папе, посланцу Бога на земле, – ответил Виссарион и добавил: – Папа чтит морейского господаря, спасшего святыню от надругательства ярых врагов христианства.

Что ж, пришлось преподнести святыню папе. И золотой ручеек побежал в семью Фомы. Но он иссяк с уходом господаря в иной мир.

Внезапное появление Виссариона обрадовало Софью. Правда, она была обижена, что он так долго отсутствовал.

Медленно, но все же истаял золотой запас в тайнике. Братья, Андрей и Мануил, встревожились: что им делать? Мануил предложил:

– Пока у нас есть деньги, надо ехать к дяде Димитрию.

Софья и Андрей были удивлены. Софья даже воскликнула:

– Мы предадим отцовскую память, если поедем. Ведь он же бежал от неверных, а ты предлагаешь вернуться? Нет! – Ее очи горели огнем, а весь вид был решителен и властен.

В этот миг она была неотразимо красива. Каждый из братьев невольно подумал: «Какая красавица!» И вот внезапно, точно услышав их голос, появился Виссарион. Будучи заядлым ловеласом, несмотря на свои годы, он лихо подскочил к Софье и, взяв ее руку, припал губами к белоснежной коже и недопустимо долго задержался с поцелуем:

– О Софья! – произнес он с пафосом. – Ты достойна быть королевой!

Вероятно, этим он хотел поставить ее вровень с сестрой.

– Как вы поживаете? – оглядывая братьев, спросил он.

Те замялись.

– А, понимаю! – воскликнул он и извлек из кармана ожерелье, камни которого вспыхнули на свету маленькими кострами. Их блеск ослепил присутствующих. Было ясно, что папа компенсирует им задержанные средства и думает об их далеком будущем.

– Прекрасная вещь! – воскликнул Андрей, принимая подарок.

Они долго им любовались, а потом Софья надела его себе на шею.

– Ну! – развел руками Виссарион. – Какая прекрасная у вас сестра!

Когда все налюбовались драгоценностью, ее вновь взял в свои руки Виссарион.

– Андрей, – обратился он к старшему, – ее надо надежно сохранить. Давай-ка сделаем это!

И они вдвоем удалились в соседнюю комнату, где было секретное хранилище. Андрей почему-то посчитал, что Виссарион свой человек и ему дозволено показать тайник.

Спустя месяц после посещения Виссариона Андрею понадобились деньги для оплаты взятых в долг товаров.

– О господи! – Он не поверил своим глазам. В тайнике было пусто!

На его крик прибежали брат и сестра. Их чуть не хватил удар: «Как жить?!» Когда они немного пришли в себя, решили направиться на Ватиканский холм к Виссариону. Но оказалось, что кардинал в отъезде. Об этом им сообщил монах. На вопрос «Когда он вернется?» тот только пожал плечами. Пока они еще сводили концы с концами. Софья пожертвовала своим кольцом с бриллиантом, которое подарил ей отец на десятилетие. Но они понимали, что жить так дальше невозможно. Придется продавать разные ценности, собранные семейством за долгие годы. Но против этого категорически была Софья. И тогда им пришлось продать дом, взамен приобретя скромное жилище. В подобных проживали тысячи и тысячи простых римлян. Очень часто с их губ срывалось: «Какая гадина обокрала нас? Кто же навел проклятое жулье? На кого думать? На слуг, которые живут в доме? Но они не знали о тайнике!»

– Может, кто подглядел? – предположил Мануил.

Андрей и Софья пожали плечами. Андрей со вздохом сказал:

– Ищи ветра в поле!

– Ничего, – произнес Мануил, – вернется Виссарион, он поможет.

Шли дни, а кардинала не было.

Он появился внезапно с возгласом:

– Вот вы где! – глядя через открытое окно.

Он вытер ноги о половики, и на пороге нарисовалась его худощавая фигура. Виссарион так и застыл в дверном проеме, обводя глазами старую, потертую мебель, стены в каких-то непонятных подтеках.

– Да-а! – протянул он, – что случилось?

Его глаза уставились на Палеологов.

– Нас... обокрали, – выдавил из себя Андрей.

– Да ты что! – воскликнул он, придавая лицу искреннее сочувствие. – Как это случилось?

Они пожали плечами.

– Негодяи! – вспыхнул он. – Да таких... на кого руку подняли! Но ничего! Я прибыл к вам с приятной, даже радостной вестью.

– С какой? – спросили они чуть ли не одновременно, но в их голосах чувствовалась такая неуверенность, какую можно встретить только у людей, крайне разочарованных из-за непрерывных несчастий и уже ни во что не верящих.

– Э... – загадочно произнес он, – я бы вначале что-нибудь перекусил. Да и в горле пересохло.

Все бросились исполнять его желание. Они собрали лучшее, что у них было. Но все же стол был беден: остатки рыбного пирога, кусочек мяса, жидко посыпанного зеленью, несколько небольших коврижек и апельсиновый сок, наполовину разведенный водой. Кардинал крикнул, но за стол сел. Налив в бокал сока, сделал несколько глотков. Отрезал малюсенький кусочек пирога и вновь отпил глоток напитка.

– Ну вот... отличный обед, – не то насмехаясь, не то, чтобы как-то их поддержать, сказал он, – а теперь я могу рассказать, с чем к вам прибыл.

Он рукой пригласил их сестр. Софье досталось место напротив кардинала. Его глаза забегали по ее прекрасному лицу с горящими карими глазами.

– Да... – словно опомнившись, произнес он и улыбнулся. – Софьюшка, ты готова стать... – Он замер, вперившись в нее глазами.

Она засмушалась от такого открытого взгляда и опустила голову.

– Но, – сказал он с каким-то сожалением, – королевы так себя не ведут!

– Королева? – не выдержал Андрей. – Какая королева? – спросил он, посмотрев на сестру и брата, словно они должны были ответить на его вопрос.

– Французская! – ответил за них кардинал.

Софья быстро подняла голову, ее глаза вспыхнули огнем.

– Кто королева? Я? – вырвалось из ее груди.

– Да, милая Софьюшка! Французский король Людовик задумал на тебе жениться и прислал к папе посла с этим предложением. А папа прислал меня к тебе, чтобы испросить твое согласие.

Эти слова заставили братьев живо обернуться к сестре. Они знали, что она ответит. Но их взгляды умоляюще смотрели на нее. В них можно было уловить вспыхнувшую надежду. А... вдруг! Всякое бывает. Взбредет ей в голову какая-нибудь дурь... А так... глядишь, и им что-то достанется.

– Да! Да! – Она выбежала из комнаты.

Все с облегчением вздохнули. Софья вбежала в свою комнату и упала на кровать. А в голове замелькали картины одна краше другой. Она увидела себя идущей в нарядном платье, с короной на голове, по огромному, ярко освещенному залу, а все в почтительности склонялись перед ней. А вот она на балу. Она танцует с королем... Или вот: знатный пир...

В дверь постучали. Стук прервал эти прекрасные видения. Вошли братья. Лица их пылали от счастья.

– Софьюшка! Дорогая! Пришел конец нашим мытарствам. Ты возьмешь нас с собой? Или поступишь, как Елена?

– Что вы, мои дорогие! Да как я расстанусь с вами?! Вы поедете со мной! Да мы вместе...

А тем временем Виссарион возвращался в папский дворец. Папа Павел просил по завершении переговоров зайти к нему. У папских дверей его встретил бывший Миланский епископ, ныне служащий при папском дворе.

– Он спрашивал о вас, святой отец, – с каким-то лукавством произнес старый знакомец. Войдя, Виссарион застал папу за ужином.

В последнее время папа стал плохо себя чувствовать. Лекари, осмотрев его, порекомендовали перейти к постной пище и употреблять ее в умеренных количествах. Нездоровье заставило послушаться. На блюдах лежали отварная рыба и фрукты. В чашке – простокваша.

– А-а-а! – увидев входящего кардинала, произнес папа и толстым пальцем поманил к себе.

Виссарион сел в кресло, стоявшее около стола.

– Слушаю вас, ваше святейшество.

– Как поездка? – папа взглянул на него тяжелым взглядом.

«Болен он, что ли? – мелькнуло в голове кардинала. – Что-то с ним...» – подумал он и ответил:

– Все идет, как мы задумали. Золотого запаса у них нет. Из дворца перебрались в хижину. Сейчас она вне себя от радости. Как же! Французская королева! Да, умен и хитер епископ Збигнев.

– Старая лиса! – сказал папа.

Кардинал продолжил рассказывать о своей поездке:

– Другого нечего было и ожидать! Теперь надо подготовить Софью, чтобы она прониклась нашим желанием: заставить медведя принять нашу унию. Но думаю, пока рановато, ваше преосвященство. Нужно некоторое время. Иначе она может понять...

Папа руками взял кусок рыбы и, отломив кусочек, отправил его в рот. Проглотив, он вытер пальцы, губы и сказал кардиналу:

– Тут ты прав. Торопиться не будем. А как у нас в Московии? – И опять его тяжелый взгляд уставился на Виссариона.

– Да как... Пока нашли человека.

– Нашли? – зачем-то переспросил папа.

– Нашли, – вздохнул Виссарион.

Его вздох был понят понтификом.

– Ничего, ради такого большого дела нас Бог простит, – успокоил он своего кардинала и потянулся за следующим куском рыбы. – Ступай и зайди завтра поутру. Мне есть что тебе сказать.

Виссарион вышел, пожав плечами. «Что же он мне хочет сказать?»

На другой день, побывав на заутрене в церкви, направился к папе. По дороге на него наткнулся куда-то очень торопившийся монах. Глаза его были странно выпучены.

Монах даже не извинился и продолжил свой путь. «Что это с ним? – подумал Виссарион и вновь вернулся к неотступной мысли: – Так что же папа хочет мне сказать?»

В приемной комнате было много кардиналов. Увидев Виссариона, они расступились, а тот, не понимая причины этого собрания, прошел мимо, вошел в кабинет и увидел спящего, как ему показалось, папу Павла. Он сидел в том же кресле, в котором сидел вчера. Голова его лежала на боку, а цвет лица был странно бледен.

Это его поразило. Увидев папских лекарей, стоявших в стороне, он оторопел. В голове мелькнула мысль: «Неужели?..» Его стопы направились к ним.

– Что случилось? – спросил он.

Один из них, узнав Виссариона, ответил:

– Папы больше нет. Сердце... – Голос его был глух, и он с каким-то сарказмом добавил: – Да здравствует новый папа!

Виссарион посмотрел вокруг, подошел к креслу и бессильно сел.

Глава 3

Иван Васильевич, великий князь Руси, как стали называть Московию западные послы, сын Василия Темного, внезапно проснулся среди ночи. Он посмотрел на затемненное окно и понял, что до утра еще далеко. Повернувшись на другой бок, попытался заснуть. Но в голове крутилась мысль, родившаяся еще во сне и пробудившая его: «Что же делать с Великим Новгородом?» Примчавшийся из города наместник рассказал Ивану об измене новгородских жителей ему, великому князю.

Повернувшись на другой бок и поняв, что уснуть не удастся, он сбросил с себя одеяло. Сев на кровати и опустив голову, задумался: «Считают, что если я еще молод и только взял вожжи, так им можно делать со мной, что захотят. Эх! Жаль, что мой батюшка, великий князь Василий Темный, послушался тогда архиепископа Иону и не пошел на этот град. Но я им прощать не буду. Ишь, чего захотели...» Он встал и зашлепал к окну. Раздвинув шторы, посмотрел на небо. Его высокая, слегка сутуловатая фигура темным силуэтом вырисовывалась на фоне ночного неба. Черная туча, закрывшая луну, медленно сползала, освобождая ночное светило. Иван увлекся, наблюдая. Вскоре мертвящий свет луны осветил землю. Посветлело и в опочивальне.

Мария, великая княгиня, у которой он сегодня ночевал, что в последнее время было редкостью, шумно вздохнула, и это заставило князя обернуться. Он увидел ее костлявое плечико и худую спину. Князь подошел к кровати и бережно накрыл жену одеялом. Он был благодарен Марии за то, что она родила ему крепкого, здорового мальчонку. Наследника. И имя ему дали Иван. Иван Младой, в отличие от нестарого отца. Князь вспомнил слова ее матери, которые она сказала своему зятю: «Ты береги Марию. Она у нас слабовата здоровьем. Однажды заболела так, что, думали, заберет у нас ее Боженька. Чтобы умолить его, поехали в Савватиеву пустынь, где, сказывали, жил блаженный Ефросим. Мы со слезами умолили его помолиться и излечить ее от немощи. И старец помог».

«А вот отец объехал все монастыри, все святые места, а не помогло», – подумал Иван и вздохнул. Как будто предчувствовал, что недолго Марии осталось жить на этом свете. Умрет она внезапно в расцвете лет.

...В уме опять всплыл Великий Новгород. Князь поднялся и застыл в раздумье, что делать: идти спать? Снова встал возле окна. Подняв голову, посмотрел на луну. Почему-то вспомнилось, что в лунную ночь Каин убил Авеля. «К чему это?» – тихо прошептал он. Оттолкнувшись, пошел и лег рядом с супругой. Сон все не шел, и Иван вновь стал думать о Новгороде. И решил написать Новгородскому владыке Ионе. Эта мысль успокоила Ивана, и он, повернувшись на правый бок, вскоре задремал.

...А утром первым делом взялся за письмо. Он хорошо знал, что в городе составились московская и литовская стороны. Литовская очень хотела уйти под Казимирову руку. Они утверждали, что в Киеве сидит митрополит Григорий, который придерживается православной греческой веры и, перейдя в Литву, они останутся православными христианами. Это было опасно. И Иван написал Ионе: «Тебе известно, откуда пришел этот Григорий и от кого поставлен? Пришел он из Рима, если ты не знаешь, от папы, и поставлен бывшим Цареградским патриархом, тоже Григорием. Он повинется папе с Осьмого собора, а святыми отцами утверждено, чтобы не соединяться с латинством...»

Ивану было хорошо известно, откуда на этот раз пошло зло. А начал его посадник Исаак Борецкий. Это он повел двойную игру. Его непонятная смерть не остановила дело. Наоборот, оно попало в деловые и умелые, как оказалось, руки – его вдовы Марфы.

Марфа Борецкая, умная, с твердым характером женщина, быстро подчинила себе не только своих сыновей, но и преемника посадника. А через них полгорода теперь оглядывалось на свою матушку.

Все внезапно изменилось. Ранее новгородцы, добившись от великих князей себе уступки, всегда напоминали новым великим князьям об этом, требуя от них уважения старины. Теперь, когда великие князья стали требовать, чтобы они жили по старине, те начали забывать об этом.

Письмо, полученное Ионой от Ивана III, даже немного обидело владыку. Иона никогда и не думал ехать в Киев. Но оно заставило действовать, и московская сторона стала побеждать литовскую. Однако внезапная смерть Ионы вдохновила его врагов. Они тотчас отправили в Литву своего посланника, чтобы тот сообщил литовцам о смерти владыки, и позвали к себе Олельковича Михаила Александровича, Ягайлова потомка.

Марфа заставила новгородцев с честью принять литовского князя. Она не пожалела денег для подкупа худых мужиков, вечников. Это были люди, которые за деньги могли выполнить все, что требовал дающий. Для этого они не жалели и своих кулаков. Олелькович ехал среди толпы, улыбаясь. Еще бы! Его встречали с возгласами: «За короля!» Московская сторона хотела было оказать сопротивление, но вечники закидали их камнями. Тут же по подсказке Марфы были названы послы, которые обязаны были поехать к королю для заключения с ним мира. И мир был заключен! Король сильно уступил в надежде на будущее, когда представится возможность все переписать. Теперь же условия диктовала литовская сторона. Этого, конечно, Марфа не знала. Хотя могла и догадываться. Но пока... договор укреплял ее сторону. И она не могла этим не воспользоваться. Ее сторонников прибавилось. Отослав своего посланника к Казимиру, Марфа потребовала, чтобы послы были снаряжены и в Псков. Она хорошо понимала, что Москва попытается ответить. Тут уже поучительной беседой не обойтись. И поддержка псковитян была ей просто необходима. Но те оказались верны великому московскому князю.

Узнав об этом, хитрая Марфа задумала снарядить посла и в Москву. Выбор пал на боярина Василия Ананьиного. Она велела ему без унижения, с достоинством, доложить о земских делах. На жалобы, что поступали от великого князя, не отвечать. Ананьин понимающе кивнул.

Иван выслушал посланника и тактично спросил:

– А что скажет боярин о моих жалобах? – Князь склонил свою красивую голову в ожидании ответа.

Боярин с вызовом, грубо ответил:

– Великий Новгород об этом не приказал мне отвечать.

От такой явной недоброжелательности великого князя даже передернуло. Но он сдержался. Только сжал кулаки и скрипнул зубами. Подавив в себе вспыхнувшую злобу, спокойно, но твердо проговорил:

– Скажи им, что великий князь советует всем исправиться и осознать, что вы – моя вотчина. В земли и воды, мне лично принадлежащие, не вступайте. Имя мое держите честно и грозно, по старине! Ко мне посылайте бить челом по трудным вопросам. А я вас, свою вотчину, жаловать хочу и в старине держу.

– Все, великий князь? – не ответив на слова Ивана III, спросил посланник.

Князь блеснул глазами, но тихо сказал:

– Все.

Боярин, вернувшись, докладывал Марфе и боярам о своей поездке. При словах великого князя: «имя мое держите честно и грозно» Марфа не выдержала, вскочила и, показав фигу, произнесла:

– Вот, князь, тебе. Видишь?!

Бояре, поддерживающие ее, рассмеялись. Новгородцы поняли, что дело идет к войне.

После отъезда боярина Иван III понял, что вряд ли новгородцы исправятся, и стал подумывать о походе. Вспомнил о Пскове и послал им письмо, в котором говорилось: «Если Великий Новгород не добьет мне челом о моих старинах, то вотчина моя Псков, послужи мне, великому князю, на Великий Новгород за мои старины».

После смерти владыки Ионы в Великом Новгороде посадники, тысяцкие и весь народ в назначенный срок избирали владыку. На престоле лежало три жребия, до этого принятые на вече: жребий духовника Варсонофия, ключника Пимена и Феофила, ризничего архиепископа. Вынул жребий Феофила. Сразу после избрания Феофила ввели во владычный двор, в сени. Нужно было отправлять посла в Москву за опасной грамотой. Но тут произошла заминка. Пока никто не знал почему. Хотя кое-кто догадывался, говоря, что это Марфиных рук дело. Марфина сторона спала и видела, чтобы жребий достался Пимену. Она так и сяк ломала голову, как устроить, чтобы жребий был вынут за Пимена. Но тот, кто извлекал жребий, тоже выбирался толпой. Она выкрикнула тогда Петруху, кузнеца. Это был огромный детина, один из лучших кулачных бойцов, правдолюб. Он вразвалочку подошел к престолу. Потер ладони. Потом повернулся к народу и подмигнул.

– Тащи! – закричала толпа.

И он вытащил. А толпа была грозным оружием. Что-то нарушать вопреки ее воле ох как боязно! Не раз таких нарушителей ждала страшная смерть. Никто из сторонников Марфы не брался за такое дело.

Выбор архиепископа Марфу и ее сторонников не устраивал, так как все знали, что Феофил был поклонником старины. Оленькович, поняв, что с таким архиепископом Новгород уплывает из его рук, пожаловал к Марфе. Нужно сказать, что Марфа была женщиной еще довольно молодой, к тому же весьма привлекательной. Она могла быть милой, по-девичьи застенчивой, что придавало ей определенную прелесть, которая так покоряет юношей, да и не только их. Но могла быть твердой, как гранит. Ее черные глаза тогда сверкали неприступностью, смешанной со злобой. И эта женщина становилась... страшной! Такая могла только повелевать.

Оленькович, встреченный очаровательной улыбкой, посчитал, что она этим поощряет его к решительным действиям. Оленькович был мужчиной видным. Не откладывая желание в долгий ящик, он попытался было подобраться под ее бочок. Но куда там! Хотя глаза ее и помутнели, но она быстро подавила в себе эту слабость и так взглянула на него, что тот, как ошпаренный, вынужден был ретироваться, забыв, зачем приходил. Однако через некоторое время ему на ум пришла одна мысль, и он решил использовать ее на благо своего литовского княжества. Оленькович решил... выдать Марфу замуж за литовского пана. Потом сделать того наместником Великого Новгорода, где они с Марфой будут править. Вернее Марфа, исполняя литовскую волю.

Он вошел к ней с таким видом, словно ничего не случилось. Марфа его не прогнала, но встретила суровым взглядом. Выслушав, она задумалась. По ее лицу было видно, что такое предложение ее заинтересовало.

– А он... богат? – спросила она, вероятно посчитав, что такой человек на примете Оленьковича есть.

Тот не растерялся:

– Разве я бы отдал такую красу за нищего! – воскликнул он.

Такой ответ ей понравился. Он написал своему брату, киевскому князю Семену, и попросил подобрать подходящего пана. Князь поддержал эту мысль, отписав ему, что постарается быстро найти жениха. Колесо закрутилось.

Пока писалось да мечталось, жизнь не стояла на месте.

Неизбранный Пимен пришел к Марфе, не подозревая, как он порадовал ее своим приходом. Марфа уже думала о нем вместе с Оленьковичем. Пришел, и не с пустыми руками. Ключ-

ник, у кого под рукой была архиепископская казна, пришлось по душе Марфе. Сильным ходом Пимена в глазах Марфы было то, что он, в отличие от Феофила, не отказывался ехать в Киев, говоря: «Если пошлете в Киев, я и туда поеду на свое поставление». Феофил же требовал, чтобы его, избранного по старине, отправили в Москву для посвящения в архиепископа Московским митрополитом у гроба чудотворца Петра, а ехать в Киев категорически отказывался. Но для этой поездки нужна была опасная для Феофила грамота великого московского князя. Марфа всеми силами сдерживала посланника, который должен был эту грамоту привезти.

Предложение Пимена пришлось Марфе и Олельковичу по душе. Но для этого надо было, чтобы вече пересмотрело прежний выбор. Пимен не пожалел денег из архиепископской казны. Одним из заправил на вече был некто Кузя. Получив деньги, он поклялся, что Феофила прогонят с позором. Чтобы подкупить свою братию, он собрал нужных людей в одном из новгородских кабаков, который славился крепкой брагой и хорошей закуской. Кто же откажется от таких посиделок? Пришел и ближайший друг Кузи Федор Забей Гвоздь. Он привел с собой двоюродного брата Сидора. Пареньком тот был застенчивым, честным. Вот брат и захотел его переделать. Для этого надо было ему показать, какая хорошая жизнь у вечевых людей. Подвыпивший Кузя оповестил своих, что для них открыта казна самого архиепископа и, если им удастся свергнуть Феофила и прокричать Пимена, они будут щедро вознаграждены.

Появившись в своем доме, подвыпивший Сидор вызвал в семье переполох. Отец, трезвенник, увидев в таком состоянии сына, схватил его за шиворот и так встряхнул, что на грозный вопрос: «Это что?» – тот сразу во всем покаялся. Узнав, что Пимен хочет скovyрнуть Феофила, отец, добрый христианин, возмутился. Нахлобучив головной убор, хлопнув дверью, он куда-то торопливо направился. А прибежал он в кузню к Петрухе, который не хуже Кузи славился умением вести за собой народ. Петруха был занят, и отцу Сидора пришлось его подождать. Он зачарованно смотрел, как работает кузнец, который из куска раскаленного железа выделывал такую красивую завитушку на дверь, что дух захватывало. Когда железо поостыло, Петруха сунул его в воду и посмотрел на мужика.

– Для боярина, – не то спросил, не то утвердительно произнес отец Сидора.

– Для него, для Тучина, – пояснил Петруха.

И, отирая тыльной стороной ладони вспотевший лоб, спросил:

– Ты что, Сеня?

– Да ты знаешь, Петруха, что хочет наш Пимен? – И поведал ему то, что узнал от сына.

Пудовые кулаки Петрухи угрожающе сжались.

– Ну мы еще поглядим, кто кого! – И, схватив кувалду, ударил ею по наковальне. – А что Феофил-то ждет? – спросил он.

Сеня только пожал плечами.

– Ладноть, – взяв щипцы и ворочая железо, произнес Петруха, – вечером приходи, я мужиков соберу, к посаднику пойдем.

Посадник Фома Андреевич, только что избранный, успевший побывать у Марфы и отблагодарить ее за помощь в его избрании, растерялся, когда к нему ввалилась толпа во главе с Петрухой.

– Ты пошто, – начал кузнец, грохнув кулачищем по столу, – не отправляешь Феофила в Москву на его поставление?

Грозный вид великана, этот удар по столу испугали Фому. Он сжался и залепетал:

– Да... я, конечно, отправлю.

– Ну и отправляй! – прогудел Петруха.

– Но... вначале взять надоть у великого князя опасную грамоту.

– Ну, бери, – рявкнул Петруха.

– Да... того... посланца.

– Так посылай! – прогремел Петруха и повернулся к братии.

Те поддержали его, да так, что бедного Фому бросило в жар.

– Завтра придем. Не отправишь... – Петруха поднял кулачище.

Фома выставил руки для защиты. Петруха другой рукой отвел их и промолвил:

– Не поможет!

Гонца он отправил утром, а сам побежал к Марфе, боясь, что кто-то опередит его с этой вестью. «Лучше самому», – подумал он. Марфа выслушала его молча. Поняла все, когда он сказал ей о Петрухе.

– Ладноть. Иди, – сказала она и отвернулась.

Великий князь Иван III, узнав о том, что Великий Новгород просит разрешения на приезд Феофила, ответил посланцу так:

– Вотчина моя Великий Новгород прислал ко мне бить челом, и я его жалую. Нареченному владыке Феофилу велю быть у себя и у митрополита для поставления без всяких зацепок, по прежнему обычаю, как было при отце моем, деде и прадедах.

Такой ответ великого князя придал московской стороне уверенность и свидетельствовал о дружелюбном настрое великого князя к ним, новгородцам. Теперь бояре московской стороны ходили уверенные в своей победе, довольно поглаживая бороды. Но... радость их и торжество оказались преждевременными.

Глава 4

Весть о кончине папы привела семью Палеолог в отчаяние. Они отлично понимали, что не Виссарион был озабочен поисками мужа для Софьи. Это папа, считали они, вел переговоры с холостым французским королем. Кто теперь будет это делать?

– Я знаю, что конклав, состоящий из кардиналов, будет избирать себе папу. Возможно, Виссариона выберут новым папой, – предположил Андрей.

Его слова успокаивающе подействовали на сестру и брата.

– А что? – воскликнул Мануил. – Все может случиться! Ведь он знает две религии. Лучше кандидатуры, пожалуй, не найти, – заключил он.

Андрей снисходительно улыбнулся. Софья это заметила и обрушилась на Андрея:

– Ты что, не веришь?

– Верю, верю! – замахал тот руками и сообщил: – Через десять дней будут избирать папу. Вот и узнаем, кто будет.

– А почему через десять дней? – спросила Софья наивным голосом.

– В свое время такой обычай на соборе приняли католики, – ответил Андрей.

– Смотри, а ты у нас знаток! – с уважением сказала Софья и спросила: – А что они будут делать, пока не выберут папу?

– Как «что»? Их закроют в Сикстинской капелле, посадят на хлеб и воду, пока они не примут решение.

– А когда выберут, они стучаться будут?

– Не-е, – протянул тот и зевнул. Видать, ее расспросы поднадоели парню. – Зажгут солому, чтобы из трубы пошел белый дым.

– И мы сможем увидеть?

– Да. Для этого надо идти к собору Святого Петра, – пояснил он.

На одиннадцатый день они были там. Оказалось, что площадь забита так, что яблоку негде упасть. Они попытались было пробиться к базилике, а затем – к Сикстинской капелле, где собрался конклав, но... увы! Тут никто не знал, что явились члены семейства Палеолог. На них кричали, стали ругать, толкать. Пришлось отступить. А ведь не так давно не каждый решался на них посмотреть! Да, вот они, превратности судьбы! Неплохо, чтобы каждый помнил об этом.

Они стали прислушиваться к разговорам вокруг. Все пересуды так или иначе касались вопроса о том, кто же будет папой. Назывались имена разных людей. Но ни одного из них Палеологи не знали. Имя Виссариона даже не было названо.

Но он оказался среди тех, кто должен был выбрать самого достойного. Кардиналы в капелле были посажены на хлеб и воду. Предшественники позаботились, чтобы выборщики там не засиживались. Шли дни за днями, а Сикстинская капелла молчала.

Но в один из дней все решилось. А он начинался как обычно, если не считать набежавшей тучки, которая, вероятно, захотела посмотреть, что творится на площади, и принесла с собой дождик. Люди куда-то заспешили, и Софья оказалась зажата словно между жерновами, которые оттеснили ее от братьев. Она осталась одна в толпе, быстро начавшей редеть.

Парни и молодые мужчины оглядывались на Софью, но убегали прочь, подхватив под свои плащи пробежавших девушек – не ее. Никто не хотел спасти ее от дождя. Но один нашелся. Это был парень лет двадцати – двадцати двух, выше среднего роста. На нем был роскошный плащ с бриллиантовой застежкой. Плащ был незастегнут, и под ним просматривалась черная куртка с золотыми пуговицами. На голове – шляпа. Из-под нее смотрели на девушку темно-карие смеющиеся глаза. Большой нос с горбинкой придавал лицу солидность. Он элегантно движением набросил половину плаща на дрожащую Софью и представился:

– Джованни, – потом добавил смущенно: – Медичи.

– Софья, – вылетело у нее, и, почувствовав его тепло, она посмотрела на своего спасителя. Ее поразил его взгляд. Сердце девушки, еще не знавшее любви, слегка дрогнуло.

– Пошли, а то промокнем, – сказал он.

Они добрались до какого-то здания и прижались к стене. Дождь усиливался. Софья попыталась поправить плащ. Что подумал Джованни, трудно предположить, но он сказал:

– Под таким плащом ты в безопасности!

Она улыбнулась. О! Какая это была улыбка! Софья поразила сердце молодого мужчины. Как засветились его глаза! Похоже, он стал жертвой стрелы Амура.

Внезапно дождь прекратился, но они продолжали стоять в прежнем положении. Как долго это могло продолжаться и чем бы закончилось, трудно сказать, но их разлучил внезапный крик:

– Дым!

Невесть из каких щелей начал выбегать народ. Софья, отбросив полу плаща, ринулась со всеми, мгновенно забыв о Джованни. Он какое-то время стоял в растерянности. Потом как бы очнулся и ринулся вслед, стараясь отыскать Софью. Да разве это возможно в кипевшем людском море! Оно утащило девушку, как волна уносит с берегов гальку.

– Белый! Белый! – кричала толпа, заглушая все другие голоса.

А он звал ее, Софью. Джованни был одним из сыновей Лоренцо Медичи, самого богатого человека в Италии. Любая девушка сочла бы внимание такого кавалера лестным. Но... не Софья.

Скоро зычный голос сообщил на всю площадь:

– Конклав избрал папой Сикста!

В груди Софьи что-то оборвалось: «Не Виссариона». И она, опустив от горя голову, побрела в свою сторону. А в голове билась мысль: «Не Виссариона! Прощай, королевство!» Когда братья и сестра вернулись домой, Андрей попытался успокоить расстроенную Софью:

– Сестренка, не унывай!

Но та, вдруг зарыдав, бросилась в свою комнату. Мануил бросился было за ней, но Андрей остановил его.

– Не ходи, пусть поплачет, легче станет, – сказал он.

Мануил послушался и со вздохом опустился в полуразвалившееся кресло. То же сделал и Андрей, когда вернулся к себе.

Обида вспыхнула в груди кардинала. «Как же так? – думал Виссарион. – Я, знаток двух религий, признавший католичество, остался не у дел. Что меня ждет? Как на меня посмотрит новый папа? Почему за меня было подано всего пять голосов? Нет! Эти итальянцы не думают о вере. Они больше думают о себе! Конечно, я для них пришелец. Но что знают они – и что знаю я! Что же мне делать? Ведь Сикст может отослать меня с глаз подальше, в какую-нибудь забытую богом местность».

Он поднялся и заходил взад-вперед. Внезапно на память ему пришла Софья. «Бедная девчонка, – подумал он, – наверное, сорвется задумка, так умно придуманная Збигневом. Не видать ей не только Франции, но и заснеженной России. Жаль, конечно, не Софью, а то дело, какое погибнет. Да... Но к папе без вызова я не пойду», – решил он. И стал ждать, когда его позовут.

И вот, когда он перестал ждать, его неожиданно позвали. Монах, пришедший за ним, провел его в «райскую» комнату. Так меж собой кардиналы называли потайной кабинет папы. Это говорило о том, что его положение не так печально. Монах открыл дверь, и Виссарион, остановившись на пороге, произнес:

– Разрешите, ваше святейшество!

Папа, сидя за столом, что-то сосредоточенно писал. И вместо ответа пером указал на кресло, стоявшее у стола. Мимоходом Виссарион окинул взглядом комнату. Тут, насколько он помнил, ничего не изменилось.

Кардинал сел и вопросительно посмотрел на Сикста. Не то тот почувствовал взгляд Виссариона, не то закончил писать, но, отложив перо, папа еще раз взглянул на рукопись и, отложив ее, повернулся к кардиналу.

– Давно, мой брат Виссарион, я хотел с вами встретиться. Да пока разные мелкие дела, требующие срочного решения, мешали мне это сделать. Мне известно, что вы с Павлом затевали какое-то очень серьезное дело. Не могли бы вы, брат мой, со мной этим поделиться?

Виссарион сел поудобнее, почувствовав к себе расположение нового папы, и начал:

– Не хочу, ваше святейшество, напоминать вам о том времени, в котором мы живем, и о тех событиях, которые происходят вокруг нас. Но скажу о главном. Как мы считали, – он решил все же вспомнить заслуги ушедшего папы, – Восток – турки, или османы, как теперь их зовут, представляют для Европы смертельную опасность. – Произнеся эти слова, Виссарион замолчал.

Серые глаза папы внимательно смотрели на кардинала. Его облик говорил о нем как о человеке думающем и начитанном. Увидев, что Виссарион ждет ответа, он кивнул головой. Это означало, что он согласен со словами Виссариона и поддерживает его. И тот продолжил:

– Поэтому по предложению папы Павла был продуман план борьбы с этим надвигающимся злом. Ключевой фигурой в нем была племянница императора бывшей Византийской империи Софья Палеолог. Ей отводилась роль жены великого князя России...

– А почему вы выбрали столь далекое государство? – спросил папа, поправляя на груди крест.

– Да потому, что в Европе, кроме него, некому по-настоящему постоять за нашу веру. Польша с Литвой слеplены, но не объединены. Литва спит и видит вернуть себе самостоятельность, Германия...

Папа, слушая, постоянно покачивал головой.

– Поэтому, ваше преосвященство, мы и остановились на России.

Папа повернул голову к окну. Виссарион понял, что он обдумывает услышанное. Наконец он спросил:

– А вы уверены, что она поедет туда?

Виссарион потихоньку рассмеялся.

– А для того, чтобы она поехала, мы...

– Так вы думаете, что Иван, русский царь, подпишет нашу унию?

Виссарион только улыбнулся:

– А куда ему деваться от такой красавицы жены?

– Да, если нам удастся склонить этого северного варвара на нашу сторону, это будет большая помощь и поддержка нашей вере.

Папа встал, одернул рясу. Ноги его затекли. И он даже немного поприседал. Вернувшись в кресло, он промолвил:

– Ну что ж, Бог вам в помощь. Действуйте!

А на следующий день папа издал указ, по которому Виссарион вновь становился правой рукой понтифика. Узнав об этом, довольный Виссарион заспешил к Палеологам.

Глава 5

В Пскове у посадника собрались бояре, знатные купцы, выборные старшины от кузнецов, горшечников, плотников. Он зачитал им письмо князя Ивана Васильевича, в котором было сказано: «Если Великий Новгород не добьет мне челом о моих старинах, то вотчина моя Псков послужил бы мне, великому князю, на Великий Новгород...» Закончив читку, посадник отложил письмо на край стола. Но, подумав, подтянул его поближе к себе.

– Ну, что скажете, люди добрые?

Многие закричали. Один из бояр, поднявшись, промолвил:

– Нам идтить на Великий не с руки. Москва вона где, а Новгород – рукой подать!

– С Москвой нам ссориться нельзя, – заметил купец, сидевший на самом краю скамьи.

Говоривший боярин опять, ни на кого не глядя, молвил:

– Тем, конечно, барыш свой дороже, чем кровь людская.

– При чем здесь барыш? – взъерепенился купец. – Кто мы? Аль забыл, боярин, Псков – чья вотчина?

– Забыл! Много мы от этого имеем?

Поднялся гул. Кто был за Ивана Васильевича, кто за Великий Новгород. Посаднику пришлось громыхнуть по столу кулаком, чтобы успокоить собравшихся. Когда те затихли, он сказал:

– Я думаю, надоть послать гонца с письмом, в котором мы будем бить челом великому князю о миродокончальной ему с Новгородом грамоте.

В посаднической воцарилась тишина. Но она продолжалась недолго. Не по чину заговорил плотницкий старшина:

– Раз ты, посадник, нас позвал, за то мы те благодарствуем, но моя мыслишка така: ты прав. Нужна грамота.

Многие иронично стали переглядываться. Но признали – старшина дело сказал. Кто-то из присутствующих подсказал:

– Надоть Великий Новгород просить, чтобы нашего гонца пропустил.

Его поддержали:

– Давай, посадник, пошли гонца в Великий. Пушай пропускают!

И гонец явился к новгородскому посаднику. Тот читал послание раза три, прежде чем начал что-то соображать.

– Посиди-ка тут, – сказал он гостю, а сам заспешил с письмом к Марфе.

Она прочитала его. Чело ее нахмурилось, а потом вдруг расцвело в улыбке:

– Ишь, наш великий-то что делает! К нам вроде с лаской, а за нашей спиной что плетет. Ты посла вознагради да отправь. Нет, стой, погоди, – спохватилась она. – Пушай народу расскажет. А то народ-то может сказать, что мы письмо сами написали. А живой голос – он силу имеет, – заключила она и добавила: – Собирай люд, пушай зазвонит вечевой.

Великий Новгород закипел. Только что торжествовавшая московская сторона насторожилась. Марфа распорядилась, для верности, собрать вечников, пушай шумят. И понеслось:

– Не хотим за великого князя московского!

– Не хотим называться его вотчиной! Мы люди вольные!

– Не потерпим обид от Москвы!

– Хотим короля Казимира!

Взбаламученный вечниками народ псковитянина и слушать не захотел. Московская сторона было поднялась:

– Хотим по старине! К Москве! Мы против митрополита-латинца!

Вечники взялись за камни и стали бить московских, приговаривая: «Ах, рабская шкура! Мы люди вольные». Литовская сторона и на этот раз осилила московскую. Король опять согласился держать Новгород в воле мужей вольных, по их старине. Он не отнимает у них веры греческой, православной, и кто будет люб Новгороду, тот у них и будет владыкой!

А тем временем в Москву, ничего не зная о случившемся, прибыл Феофил. Он тепло был встречен Иваном Васильевичем, который пригласил его по-домашнему отобедать, пообещав присутствовать на его посвящении в Троицком соборе. От князя Феофил направился к митрополиту. И опять теплота встречи вызвала у Феофила слезы. Князь не обманул и присутствовал, когда митрополит у гроба чудотворца Петра проводил посвящение Феофила. Великий князь приказал по этому случаю на площади у главного кремлевского собора накрыть столы для народа. Они втроем посидели там некоторое время, а потом пошли провожать Феофила в обратный путь. Князь хотел оставить его еще погостить, но тот сказал:

– Благодарствую, государь, за такое приглашение. Но что-то сердечко побаливает. Кабы там чего не случилось. В Новгороде народ, ты, государь, знаешь, ой какой. Поеду!

– Ну, ступай с Богом! – почти в один голос произнесли князь и митрополит, осеняя его крестным знаменем.

Сердце не обмануло архиепископа. Прибыв в родной град, он его не узнал. Вначале даже растерялся, не зная, что делать. Но, поразмыслив, сказал себе: «Дурак и тот в кипящий котел руку не сунет» – и отправился в свою «вотчину» Псков.

Нового архиепископа псковитяне встретили сдержанно. Феофила это не обескуражило. Он знал, что они давно просили митрополитов, чтобы учредили в городе свое архиепископство.

Новый архиепископ начал с того, что посетил несколько полуразвалившихся изб, побывал и у мастеровых людей. Не обошел бояр и купцов. Свои проповеди он строил не только на любви к Господу, но нещадно ругал пьяниц, приводил конкретные примеры. Досталось и местному духовенству, и посаднику. Это не могло не понравиться народу. Почувствовав это, Феофил начал говорить о Москве, великом князе, что заботится о мире и спокойствии. А для этого надо трудиться и жить в согласии.

Бояре, что тянулись к Великому Новгороду, задумались. Начали опасаться и народа. И хотя такого веча, как в Великом Новгороде, у них не было, но ярость народную они испытывали не раз. Когда Феофил поинтересовался у посадника, бояр и другого степенного люда, как они смотрят на то, чтобы не ломать старину, а быть у великого князя по-прежнему его вотчиной, присутствующие, помявшись, согласились.

А буквально на следующий день к Феофилу заявился посадник и положил перед ним бумагу. То было письмо из Новгорода. В нем писалось: «С вашим посланником к великому князю мы не хотим убыгчиться на подъем его по нашей волости. А мы сами ему челом бить не хотим, а вы бы за нас противу великого князя на коня сели по-своему с нами миродокончанию».

Прочитав его, Феофил поднял глаза на посадника. Тот замялся. Архиепископ понял:

– Собери людей, что скажут.

Они сказали: «Как вам великий князь отошлет складную грамоту, то объявите нам, мы подумаем». Узнав о таком ответе, архиепископ остался доволен, поняв, что псковитяне тянутся к великому князю.

Новгородские события вскоре стали известны и в Москве. Иван собрал у себя князей, бояр, некоторых воевод. Среди собравшихся – князя Иван Юрьевич Патрикеев и Иван Васильевич Стрига Оболенский, бояре – Юрий Захарьевич Кошкин, Михайло Борисович Плещеев, воеводы – Даниил Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович.

Молодое, красивое лицо князя было хмурым. Входящие сразу обращали на это внимание и понимали: что-то случилось. Великий князь сообщил им, что его вотчина Великий Новгород ушел под руку Казимира.

– Что будем делать? – спросил он, обводя глазами присутствующих.

Никто из них не торопился говорить. Они плохо знали молодого князя и побаивались сказать что-то не так.

– Ну? – нетерпеливо промолвил князь, нервно барабанил пальцами по столу.

Окрик подействовал. Поднялся Холмский:

– Дозволь, великий князь, слово молвить, – проговорил он, поправляя сползший пояс. – Мне думается, великий князь, что словом их не проймешь. Надоть идтить с войсками. Они только силу чтут. А сила у нас есть.

– Ну что? – медленно заговорил князь. – Воевать будем? – Он обвел всех глазами.

Поднялся Кошкин.

– Э-э-э, – откашлялся он, – я думаю, великий князь, все же попробовать миром решить вопрос. Мы знаем Новгород. Пока там вече, они живут по ветру. Куды дунет, туда идут. Если поднять бумаги, сколь раз они принимали княжескую волю? Попробовать и на этот раз. У нас есть вражина пострашнее. – Посмотрев на Холмского, боярин сел.

– Так... одни за мир, другие за войну, – заключил Иван Васильевич. – Думаю выбрать первое.

Подошел запоздавший митрополит Филипп. При виде его все поднялись. Он сотворил крест и сел в кресло, подставленное Иваном Васильевичем. Митрополит промолвил:

– Я, государь, слыхивал твои слова о мире. И хочу поддержать. Я тоже обращусь к ним.

Все согласно закивали головами. Раздался голос князя, повернувшегося в сторону сидевшего у стены за небольшим столом писаря:

– Пиши: «Чтобы вотчина моя, новгородцы, от православия не отступали, лихую мысль из сердца выкинули, к латинству не приставали и мне, великому князю, челом били, да исправились, а я, великий государь, жалую вас и в старине буду держать».

Услышав это, Филипп, как и все присутствующие, одобрительно закивал головой. Но то, что великий князь назвал самого себя государем, вызвало у бояр едва заметный шок. Что его так зовут священники, они привыкли. Но чтобы самому... Трудно сказать, заметил это он или нет. Лицо его было непроницаемым.

Придя к себе, митрополит продиктовал:

– «...подумайте, дети мои, о том: царствующий град Константинополь до тех пор непоколебимо стоял, пока соблюдал православие, а когда оставил истину, то и впал в руки поганых... Сколько лет ваши прадеды своей старины держались неотступно... вы теперь, оставив старину, хотите за латинского господаря закладываться... а вы сыны православные... старые, молодых научите, лихих удержите...»

Получив эти письма, посадник, как обычно, побежал к Марфе. Здесь же был ее сын Димитрий, ставший воеводой. Прочитав княжеское письмо, Марфа зло ухмыльнулась:

– Ну и лиса, опять лижется! Перехитрить нас хочет. Не выйдет. Казимир обещал помочь и поможет. А ты, – она посмотрела на сына, – готовь войско.

Посадник стал тяготиться таким поведением боярыни и еле сдержался. Но промолчал.

Ответа из Новгорода ни на княжеское письмо, ни на митрополичье не последовало. Но пришло донесение, что Великий Новгород готовит войско. И великий князь вновь созвал думу. На этот раз даже боярин Кошкин высказался за поход. После слов Юрия Кошкина Иван Васильевич, глядя на лица думцев, понял, что противников нет. Опершись о стол, он поднялся во весь рост, ногой отодвинул кресло и, привычно сторбившись, за что получил прозвище «горбатый», подошел к окну. Майское солнце постепенно начинало припекать. И тут на ум князю пришли слова, когда-то сказанные дедом: «На Великий Новгород надо ходить только зимой. Иначе много люду положишь». Он быстро вернулся на свое место и, не садясь, спросил:

– Когда будем выступать? Сейчас или зимой? Вы знаете новгородские земли с их лесами, болотами, реками. Ранее великие князья выступали против них только зимой. А если кто ходил

не зимой, много людей терял. – Проговорив это, он внимательно посмотрел в лицо почти каждого думца.

Прозвучал дружный ответ:

– Сейчас.

– Сейчас, – повторил Кошка. – Побережем людей дорогой. А кто погибнет... на все Божья воля... Зато они нас не ждут. А выигрыш получим...

– ...и немалый, – поддержал Кошку Данила Холмский.

Все согласились. Иван Васильевич вздохнул:

– Сейчас так сейчас. Данила Димитриевич, – обратился он к князю Холмскому, – ты и боярин Федор Давыдович поведете войска. Я вам дам тысяч десять. Вы пойдете к Руссе. А ты, – он посмотрел на князя Стригу Оболенского, – Иван Васильевич, с Даньяром идите к Вышнему Волочку, а отгеть пойдете по реке Мсте. Братья мои да князь верейский со своими полками пойдут прямо в новгородские земли. Ступайте с Богом.

Когда они вышли, Холмский, спустившись с крыльца, дождался Стригу Оболенского. Оглянувшись, молвил:

– Смотри, князь-то наш великий как все продумал!

Стрига только улыбнулся, и они расстались.

Великий князь этим не ограничился. Вызвав к себе дьяка Василия, он приказал ему снарядить посла в Псков, чтобы тот потребовал от псковитян выступить против Новгорода. Те, помня слова владыки, ответили посланцу:

– Как только услышим великого князя на Новгородской земле, так и сядем на коней за своего государя.

Но псковский посадник тайно пригласил к себе некоторых бояр и посвятил их в свой ответ московскому посланнику.

– Ты это правильно сделал, – молвил боярин Иван Шибанов, – да дай-ка складную грамоту в Новгород.

Все поняли хитрость боярина и заулыбались. Посадник выполнил их волю. Конечно, Иван Васильевич ничего не знал о складной грамоте, а полученным ответом был доволен. Но в Пскове нашелся перебежчик, который тайными тропами пробрался в Новгород и оповестил их об истинных намерениях псковитян. Ударил вечевой колокол. Вече, узнав об измене, решило проучить гнусных псковитян. Посадник собрал всех старост и приказал собирать дружину из плотников, гончаров и других ремесленников. Хотя это было не особо боевое войско, но мужики бывалые. Вести войско вызвался Димитрий Борецкий. Он уже хаживал во главе. Мать, скрепя зубами, отпустила сына.

Холмский уже подошел к реке Поле, новгородцам надо было его сдерживать. И псковитян хотелось проучить. Более половины из собранных людей Димитрий повел на псковитян, остальных направил против Холмского. Соглядатаи, которые были посланы в Новгород, сообщили Ивану Васильевичу, что воевода Борецкий ведет войско против псковитян. Тогда великий князь приказал Холмскому, который к тому времени на реке Поле встретился с новгородцами и заставил их отступить, их не преследовать, а идти на помощь псковитянам. К Демону, куда Холмский хотел направиться, Иван Васильевич приказал двинуться князю верейскому.

Холмский ехал по берегу реки Шелони, часто объезжая заросли густого кустарника. Между этими объездами уставший князь подремывал, не думая о своей безопасности. Впереди шли конные разъезды, которые немедленно его бы оповестили.

Было жарко. Июльское солнце жарило всю, нагревая кольчуги и шлемы. Воеводы, измученные жарой, не раз обращались к Холмскому, чтобы тот разрешил снять эти доспехи. Но бывалый воин только отрицательно качал головой. И эта его осторожность вскоре оправдалась. Прискакал один из передовиков и еще на подъезде прокричал:

– Новгородцы на том берегу!

Дремавшего князя окликнул один из воевод:

– Князь! Князь! Новгородцы! На том берегу!

Холмский провел рукой по усам и бороде, точно проверял, на месте ли они. И, вздыбив коня, направил его по крутому берегу наверх. Его зоркий глаз вскоре увидел противника.

– Останови войско! – сказал князь воеводе, следовавшему за ним.

На собрании воевод решили разделить войско на две части. Одна, перебравшись на тот берег, нападет в лоб, вторая – с фланга.

– Пошли гонца к татарам, пускай скачут на помощь, – приказал князь, повернувшись к одному из воевод.

Когда половина войска лесом ушла исполнять его приказ, он, вытащив меч, негромко произнес:

– Вперед! – и первым бросился в реку.

Внезапное появление москвитян привело Дмитрия Борецкого в замешательство. По докладу его разведчиков, Холмский должен был идти к Демону.

– Как он тут оказался? – удивленно воскликнул Дмитрий.

Что ему оставалось делать? Он вытащил меч. Вскоре звон стали, крики, вой огласили мирную местность.

Князь Холмский был мужик здоровенный. Широкий меч в его руках свистел, рассекая воздух. А его свирепый взгляд наводил страх на противника. И все же, все же... У кузнецов и плотников руки тяжелые. Холмского спас его воевода, отправленный князем для неожиданного нападения с фланга.

Новгородцы дрогнули, смешались. Но, когда почувствовали, что противник малочисленный, бой закипел с новой силой. И опять новгородцы начали теснить москвитян. И тут подошли татары. Не любители открытого боя, они, точно рой пчел, налетели на новгородцев, осыпая их тучей стрел. Ряды новгородцев быстро таяли. Теперь воспрянули духом и остатки воинства Холмского. Дмитрий Борецкий хотел личным примером поднять боевой дух своего войска и бился, как лев. Но... спохватился он поздно. Страх проник в души его воинства, и оно постыдно бежало. Борецкий со слезами на глазах опустил меч. Десяток татарских лучников наставили на него стрелы. Он проиграл и попал с воеводами в плен. У него в обозе нашли договорную грамоту новгородцев с Казимиром. По повелению Холмского ее отправили великому князю. Посланец нашел его в Руссе. Узнали об этом и новгородцы.

После известия о победе и пленении Борецкого великий князь ждал новгородцев с повинной. А те, по науськиванию литовской стороны, подняли мятеж. Воины заняли места на стенах.

В Литву за помощью поскакал новгородский посланник. Но ему пришлось вернуться. Когда ливонскому магистру доложили, что сторожевой пост схватил новгородского посланника, он приказал доставить его к нему. Вначале тот запирался. Тогда магистр приказал отвести его в подземелье. Посланник, увидев там, что какой-то полуголый человек развел в печи огонь и сунул в него железный штырь, понял, к чему клонится дело, и заорал диким голосом, умоляя отвести его к магистру. Там он все и рассказал. Магистр боялся Казимира больше, чем великого князя, и приказал рыцарям доставить гонца до самой границы с Новгородом.

Когда узнали о том, что помощи от Казимира не будет, боевой дух новгородцев стал угасать. Иван Васильевич, узнав о поведении новгородцев, рассвирепел и приказал привести к нему пленников.

– Вы за короля хотели драться? – глядя на Дмитрия, проговорил он. – Тогда получайте: казнить их! – рявкнул великий князь.

Их схватили, выволокли наружу, повалили на колоду и отрубили головы. Один из палачей вытер свой окровавленный меч о подол одежды казненного Борецкого и бросил:

– А грозен наш князь, грозен! – и вздохнул.

– Да, – поддержал его другой палач, – грозен!

А в Новгороде кончался хлеб. Теперь подсуежилась московская сторона.

– Хотим великого князя! – раздался их клич. – Хотим, чтоб Феофил бил челом нашему государю!

Их, как прежде, не закидали камнями. Те, кто это делал, попрятались по норам.

И Феофил со старыми посадниками, подписывавшими договор с Москвой, поехал к Ивану Васильевичу, который стоял на Коростыни, при устье Шелони. Феофил, постигший характер великого князя, сразу к нему не пошел. А стал обходить его братьев, одаривая их, чтоб те за него замолвили словечко.

Митрополит, которого хворь свалила в постель, собравшись с силами, написал Ивану Васильевичу письмо, где просил его, если новгородцы попросят приема, чтобы он их принял. И Иван Васильевич его послушал. Принял и дал мир Новгороду. Но за это они заплатили ему пятнадцать тысяч деньгами и еще серебром. В договоре же новгородцы обязались: «...быть от великого князя неотступными, князей литовских не просить...»

Но после отъезда в Москву великого князя мир продержался недолго. Марфа Борецкая не могла простить казнь своего сына. И она пошла к боярину Василию Ананьину, который недавно был посланником в Москве и нагрубил там великому князю.

– Здрав будь, боярин, – приветствовала она его.

– И ты, матушка боярыня, будь здрава. Что ты привело ко мне? – спросил он, пытливо глядя на нее.

– Что остается мне, бабе, делать, коль вы, мужики, попрятались в норы, – ответила она зло.

Ее губы плотно сжались.

– Ты зря, матушка боярыня, так говоришь. Мы борьбы не оставляли. – Он затравленно посмотрел по сторонам. – Мы спросим с тех, кто орал за Москву, будь она неладна.

– А... знаю. Они живут на Славкове и Никитиной улице, – ответила Марфа, явно желая, чтобы боярин исполнил свои слова.

– Да, да, матушка, вот мы туда и наведемся. Пушай все знают, как ратовать за Ивана. – Он говорил эти слова с напором, точно изменники были перед ним и он хотел выразить им свое презрение.

– Вот, вот... правильно. Еще и бояр Полинарьных не обойдите. Они особенно ратовали за московского. Ты кого берешь? – неожиданно спросила она.

– Да... – замялся он.

– Ты говори, я людей знаю. А спрашиваю, чтоб там у ты перебежчиков не было, – пояснила она.

– А-а-а, – протянул он, – да Селезневых Матвея и Якова.

– Знаю их. У них Иван казнил брата Василия вместе... – она тяжело вздохнула, – с моим Димитрием.

– Андрея Телятева, Моисея Федорова, Афанасьева, – продолжил он.

– Знаю и их. Все они потерпели от Ивашки, – презрительно закончила она.

Ананьин не был пустобрехом. Вскоре послышались предсмертные крики, мольбы. Запылали дворы. Люди расплачивались за свою верность Москве. Но... было уже другое время. Жалобы посыпались в Москву. Они позвали Ивана в новый поход.

Глава 6

– Прошу к столу! – раздался звонкий, ироничный голос Софьи.

– Идем! Идем!

За обеденным столом вместо полумягких кресел стояли какие-то потертые стулья. На столе, в больших тарелках, – по рыбке, немного зелени и небольшая порция чечевицы, скудно политая маслом. А в середине, на блюде, что-то напоминало лепешку, посыпанную тонким слоем сыра.

– Да-а-а, – Андрей протянул, подставляя сестре кресло, – видел бы это наш отец! – и глубоко вздохнул.

– Скажи спасибо, что это есть, – проговорил Мануил. – Если бы не Софьюшкины вышивки, пальцы бы свои сосали, – закончил он, вонзая вилку в тощую рыбку.

– Да, кстати, кому сегодня идти на рынок, Софьюшка? – Андрей повернулся к сестре. – Тебе вчера удалось закончить вышивку? – спросил он, запихивая в рот салатный лист.

– Да. А идти тебе. – И она скосила на него глаза.

– Хорошо, – отрешенно произнес он, проводя рукой по молоденькой бородачке, – только бы не получилось, как в прошлый раз.

Тогда ему не удалось продать ни одного Софьиного рукоделия. На рынке была почему-то одна беднота. Они брали в руки изделия, любовались, вздыхали и... клали на место.

– На все воля Божья, – философски заметила она, – но что дальше делать будем? – с тоской сказала Софья.

– Я же говорил, надо уезжать к дяде, – ответил Андрей.

– И быть потом магометанкой? Нетушки! – с жаром воскликнула сестра.

– Ну и что? – ехидно произнес Мануил.

– Турок на тебе женится. Как-никак, ты племянница последнего византийского императора! – засмеялся Андрей.

– Над чем смеешься? – укоризненно глядя на него, сказала Софья, вытирая не совсем свежим столешником свои яркие, выразительные губы.

– Он еще не сказал, – хихикнул Мануил, – что если на тебе женится турок, то ты будешь десятой женой в его гареме.

– Почему десятой? – недовольно бросила она.

– Почему? Да потому, что у них обычай такой...

– Хватит! – осадил Андрей. – Женитьба, замужество! Она уже один раз вышла замуж и стала королевой, – в сердцах произнес Андрей.

– Я, что ли, виновата? Это все Виссарион, – чуть не плача, возмутилась она.

– Будет! Нам еще ссориться не хватало, – миролюбиво сказал Мануил и добавил: – Ты, брат, иди на рынок, пока там народ есть.

– Да иду, иду, – ответил тот, поднимаясь. – Софья, где у тебя товар? Давай.

Она быстро поднялась и торопливо направилась в свою комнату. Взяв у нее узелок с вышивкой, он задумчиво произнес:

– А куда подевался Виссарион? Что-то он ничего не сказал.

– Да, – сказал подошедший Мануил, – сколь времени прошло, – и разочарованно махнул рукой. – Думаю, – добавил он, – Виссариона мы больше не увидим, стыдно, поди, ему. Наобещал...

– Конечно, хоть бы что-то сказал, – заметила Софья и шутливо подтолкнула Андрея к выходу. – Иди же!

Андрей вернулся довольно быстро, хотя узелок его заметно уменьшился в объеме. Подав встречавшей его Софье остатки непроданных вещиц, он высыпал из кисета мелочь. Подскочивший Мануил глазом окинул деньгу.

– На недельку хватит. Я пошел за нитками, – беря несколько монет, проговорил Мануил и спросил, повернувшись к Софье: – Какие те нужны?

– Возьми золотые и голубые, – ответила она.

Но уйти Мануилу далеко не довелось. Он столкнулся с... Виссарионом. Парень от удивления даже отступил назад, не веря своим глазам.

– Кого я вижу! – Виссарион как ни в чем не бывало радостно развел руки, в одной из которых был букет. – Дорогой мой Мануильчик!

Подойдя, он обнял несколько настороженного парня.

– О! Да ты совсем стал мужчиной! – продолжая сохранять радостное настроение, отступив на шаг и разглядывая Мануила, воскликнул кардинал.

– Да. Наверное, изменился. Вы так давно у нас не были. – Последние слова прозвучали с укором.

– Мой друг, – и обнял парня за плечи, – новый папа – вулкан, а не человек. Так загрузил работой... еле вырвался. Как сестра, брат? – спросил он, снимая с плеч Мануила руку.

– Да-а, – разочарованно произнес Мануил, – пока ничего хорошего.

– Понимаю, понимаю, – со вздохом проговорил Виссарион, – но будем надеяться, что Бог не оставит вас. Пошли.

– Пошли, – ответил Мануил и пошел рядом с кардиналом к калитке.

Входя в дом, он прямо с порога громко оповестил:

– А у нас гость!

Софья, услышав этот странный крик, выскочила из комнаты с пальцами в руках. Увидев Виссариона, она растерялась, потом быстро спрятала руку с пальцами за спину. Но поздно! Острый глаз Виссариона заметил это сразу и понял, чем занимается девушка. «Еще не то будет, дорогая!»

Но увы! Радостный вид человека, обрадованного этой встречей, породил у Софьи совсем другие мысли. В ней затеплилась надежда: «Долго не шел, не решалось сватовство. А теперь... неужели... Господи, ради всего святого! Помогите! Неужели я... королева?»

Он, подойдя, вручил ей цветы и, не скрывая восхищения, произнес:

– Как ты изменилась! Похорошела еще больше! Как я жалею, что мне сейчас хотя бы не тридцать!

– Проходите, Виссарион, проходите.

Он продолжал любезно улыбаться. То, что он увидел, поразило его: нищета била из всех углов. Да, они были бедны, он это знал, но не думал, что настолько. Выбрав кресло, он осторожно присел. Софья села напротив, жадно поедая глазами кардинала. Он понял, чего она ждет от него. Виссарион поочередно посмотрел на братьев, сидевших с обеих сторон от сестры, потом попросил:

– Мне бы чем-то промочить горло.

С места сорвался Мануил, сбегал на кухню и принес глиняный горшок, в котором была какая-то жидкость. Он взял глиняную кружку, стоявшую на подоконнике, и налил в нее апельсиновый сок. Сделав пару глотков, Виссарион понял, что сок наполовину разбавлен водой. Достав неторопливым движением руки из кармана тряпицу, вытер ею губы и так же медленно возвратил ее на место.

– Да-а... – протянул Виссарион, – короли тоже нуждаются в деньгах.

Сказав эту фразу, он посмотрел на Палеологов. По выражению их лиц ему стало ясно, что они не поняли его. Кардинал вздохнул. Его лицо стало скорбным.

– Я это к тому, что король Франции... – Он опять закашлялся.

Похоже, он выжидал, чтобы они поняли: сватовство не состоялось. Но они молчали. Пришлось выразиться яснее:

– Ты, Софьюшка, не печалься. Может, это и к лучшему. Может, Он, – Виссарион поднял руку с вытянутым пальцем вверх, – готовит тебе что-то более значимое.

Софья, громко зарыдав, выбежала вон. Братья не очень доброжелательно глядели на кардинала. Он понял, что происходит в их душах.

– Вот так, – развел он руками. – Франция, сто лет воевавшая с англичанами, бедна, как нищий на паперти.

Он поднялся:

– Мне пора, разных дел уйма. Софьюшке скажите, что папа и я постараемся что-то придумать. Да, чуть не забыл.

Он достал из кармана кошелек. Осторожно положил его на стол и каким-то извиняющимся тоном произнес:

– Что могу...

Братья, переглянувшись, проводили его. Уже стоя у калитки, он, повернувшись к ним, сказал:

– Передайте Софьюшке, что мы обязательно ей поможем. Пускай не расстраивается. Мы ищем... Но пока... – И, разведя беспомощно руками, он повернулся и не оглядываясь засеменял прочь.

Вернувшись к себе, братья, не сговариваясь, бросились в столовую и, взяв кошелек, обнаружили в нем двадцать дукатов. Сумма эта была довольно приличной. На нее можно небедно прожить месяца два, а там... А там – что Бог даст! И, напевая, они направились к Софье.

Она сидела у раскрытого окна и на их шум даже не повернула головы.

– Софья! – обнимая ее за плечи, сказал подошедший Андрей.

Она, по-прежнему не оглядываясь, сняла его руку и сказала тихим, убитым голосом:

– Оставьте меня, прошу вас.

Мануил кивнул брату, мол, пойдём. Но тот покачал головой. Оглянувшись в поисках кресла, он подтащил его к Софье. Сев рядом, он, не глядя на сестру, сказал:

– Чудесный вид!

Да, действительно, вид был прекрасный. Окно выходило на реку Тибр, где группа подростков ловила рыбу. За дальностью трудно было увидеть их улов. Но они радостно прыгали при извлечении его из воды.

– Давайте и мы, – Андрей повернулся к брату, – попробуем. Мы наловим, а Софья пожарит, – проговорил он.

Но та, расстроенная, встала и бросила:

– Ловите!

– Что это она? – глядя вслед удаляющейся сестре, удивился Мануил.

Андрей вздохнул:

– Переживает!

– А! – безразлично махнул младший. – Пошли на рынок, а то жрать охота.

– Пошли, – произнес Андрей, – бери кошель.

Как только братья удалились, Софья вернулась на свое место и погрузилась в мечты.

Она видела мощеную парижскую улицу, по которой ехала нарядная карета в окружении богатой свиты, каждый из которой так и хотел поймать ее взгляд и считал бы это великой наградой. А вокруг все кланялись ей в пояс. Вот она подъехала к роскошному дворцу...

В своих мечтаниях она не заметила, что вернулись братья с переполненными корзинами всяких яств. При виде этого богатства ее мысли куда-то испарились.

– Эй, сестра, – окликнул Андрей, – хватит печалиться! Подумаешь, не стала королевой. Вон сестра наша стала ею, а что она, счастлива? Даже нам не пишет, не приезжает. Видать,

живет как затворница. Аль затворили ее. Не горюй, что-нибудь да будет. Пошли лучше на реку! Глянь, погода-то какая!

Голос Андрея был наполнен оптимизмом, и это в какой-то мере передалось и ей.

– Ты что такой радостный? – отметила она, поднимая на него красные от слез глаза.

– А что же не радоваться? Твой Виссарион не поскупился. Дал двадцать дукатов.

– Двадцать дукатов? – удивилась она.

– Да, двадцать. И сказал, чтобы ты не горевала. Он что-то обязательно придумает.

Софья вздохнула, но уже не так горько и произнесла:

– Пошли!

Глава 7

Великий князь, одетый по-походному, зашел в покои к сыну, Ивану Младому. Еще подходя к двери, он услышал звонкий детский смех. Иван с дядькой играли в лошадок. Дядька был лошадью, а княжеский сынок, сидя у него на спине, держался за ворот дядькиной рубахи и сквозь смех кричал: «Но-о-о!» Дядька охотно выполнял волю мальчика, но приход отца тотчас оборвал это веселье. Князь, недовольным взором поглядывая на всю эту картину, произнес:

– Негоже, сынок, заниматься такой потехой! Слезай!

Князь подошел к Ивану, поднял его и поцеловал сына в обе щеки. От колкости бороды отца мальчик отпрянул, и на глазах его появились слезы.

– Ну что ты? – Он поставил сына на пол. – Плохо воспитывает тебя дядька! Пушай из ты воина готовит, а не размазню какую. А иначе как смогу оставить за ся, – проговорил он, проведя рукой по усам.

– Да он... дитя еще малое, – вступился дядька.

Князь усмехнулся:

– Дитя! Прадед в его возрасте уже один княжеством ведал! А он, – Иван Васильевич укоризненно посмотрел на мальчика, – в лошадки играет. Нет! Пора его и к власти приучать. А помогать ему будет Юрка Захарьин. Скажешь дьяку, – объявил он дядьке, погладил по голове сына и решительно, громко стуча сапогами, отправился прочь.

У крыльца его ждала сотня хорошо одетых и вооруженных воинов-дворян и уже была оседлана лошадь, которую за уздцы держали двое рослых дворян.

Осторожно начатое его отцом, Василием Темным, дело очень понравилось Ивану Васильевичу, и он стал усиленно развивать дворянство. Получив «двор», мужчины поступали к нему на службу и были привязаны к ней невидимыми нитями. Они уже не скажут: «Ты нам негож». «Да, – думал про себя Иван, глядя на свое новое дворянство, – слеп был мой батька, а видел далеко». Но некоторые бояре смотрели на это весьма скептически. «Очередная прихоть княжья», – говорили они, в душе понимая, что этим действием великий князь подбирается под их самостоятельность. Но более умные, как Юрий Захарьин, поддерживали князя, говоря, что он боярство не теснит, а дворяне для князя – верная сила, на которую он всегда может опереться.

– Поживем – увидим, – хитро прищуривая глазки, отвечали скептики.

Великий князь, подойдя к коню, потрепал его черную гриву, достал из кармана морковку и протянул лошади. Та аккуратно, словно боясь повредить княжескую длань, осторожно взяла ее мягкими губами. Она наградила хозяина продолжительным ржанием и нетерпеливым топотом копыт. Князь легко оседлал коня и, не говоря ни слова, дернул уздечку. Поход начался. За Москвой его ждали несколько полков ратников. Сила немалая.

В Новгороде внимательно следили, что делается в столице. Не успел князь вставить ноги в стремяна, как в противоположные ворота торопливо выехал всадник и, не шадя коня, поскакал на запад. Едва Иван Васильевич подъехал к Вышнему Волочку, как перед ним предстали послы с подарками.

– Кто будешь? – Князь перстом ткнул облезлого монаха.

– Да инок Печерского монастыря, – ответил тот, поправляя сбившийся клубок.

Князь сказал остановившемуся у княжеского стремени дьяку:

– Прими!

Не успели монахи уйти, как к Ивану Васильевичу подбежал Кузьма Яковлев, житель Новгорода, с товарищами. Они стали жаловаться на разбой, учиненный людьми Марфы Борецкой. Не отставал от нее и степенный посадник Ананьин. Князь только сказал:

– Войду в Великий Новгород – и будет учинен справедливый суд...

– Скорее только, государь.

Когда они ушли, он тихо произнес:

– Государь. Ишь! – И повторил: – Го...су...дарь!

Так с легкой руки митрополита из церковного обращения слово незаметно переходило во всеобщее.

Чем ближе приближался князь к Новгороду, тем больше был поток жалобщиков. Встретить с непустыми руками великого князя поспешил новгородский воевода князь Василий Васильевич Шуйский, узнав, что многие челобитчики пожаловались и на него. Навстречу заспешил и посадник Ананьин со многими служивыми людьми, боярами. Все с подарками. Иван Васильевич покосился на Ананьина, но ничего не сказал. У Ананьина слегка улегся страх, и он подумал о том, что неплохо бы как-то посчитаться с этим москвитянином.

Через несколько дней великий князь въехал в город. Впереди двигался отряд хорошо одетых и вооруженных воинов, зорко посматривающих по сторонам. Князь, улыбаясь, кланялся народу.

– Ишь, князь-то какой! – раздавалось в толпе. – Добрый, видать, народ любит!

– Любит?! – ядовито произнесла какая-то женщина. – Посмотрим, как он покарает наших душегубов.

– Ну уж и покарает! – возмутился мужичок в лаптях и в старой, заплатанной одежонке. – Наш-то посадник сколь душ загубил! А смотри, едет за великим князем, да еще улыбается!

Ананьин ехал вместе с архиепископом Феофилом и воеводой Василием Шуйским за посадником.

– Ничего, настанет и те черед, – глядя на мужичка, проговорил какой-то плотник. Из-за пояса у него торчал топор.

– Ишь, как бандиты, – прошипела какая-то женщина с горящими глазами, нервно затягивая полушалок, – им только дай волю, все живое погубят.

– Да, силушка за ним знатная, – добавил мужичок, – не то что у прежних князей. Этого не прогнать.

– А кто его знает? Поживем, тогда и увидим.

Великий князь направился к себе на Городище. Около ворот не остановился и никого не пригласил в гости. Посадник, архиепископ, воевода потолкались в воротах, не зная, что делать.

Первым развернулся и поехал назад архиепископ, за ним посадник. Шуйский подождал какое-то время и тоже уехал.

Вскоре на Городище явились от владыки два монаха с возами припасов.

– Куда разгружать? – деловито спросил один из них, развязывая веревки.

– А ты кто будешь? – спросил посланец князя.

– Я? Да монах владыки, – ответил тот.

– Монах, ступай-ка с этим добром назад: великий князь не принимает ваших даров, – сказал посланец, повернулся и ушел.

Мужики, собравшиеся у возов и услышав сказанное, разлетелись, как воробьи. Монахи переглянулись, пожалы плечами. Вновь перевязали возы и отправились прочь. Узнав о возвращении возов, владыка побледнел. Он старался вспоминать, не сделал ли он чего-то такого, чем мог обидеть великого князя. Но припомнить не мог. Делал он все, казалось, правильно. «За что же это?» Он и ночью не мог заснуть, все думал об этом. И вдруг его осенило: «Монахи! Не по чину!» Он еле дождался утра. Пригласил знатных бояр, велел им просить у князя прощения от его имени. Князь, услышав эти слова, свою вспыхнувшую нелюбовь отложил и велел взять корма. Но владыке этого показалось мало, и он бил князю челом и пригласил его на обед. Ехать к нему князь не пожелал. Не поехал он к нему и на следующий день, а, наоборот, пригласил его, посадника, бояр, житных людей к себе на обед.

С ночи у Городища выстроилась очередь. Все хотели попасть к князю со своими жалобами. Выслушав многих, он понял: Новгород давно жил в своей воле, великими князьями пренебрегали, не слушали их и много зла сотворили, убийств, грабежей, многих понапрасну разорили. Одним словом, кто мог, тот и обижал. «Не дело это, не дело!» – подумал князь. На обеде сидевшему рядом архиепископу Иван Васильевич шепнул:

– Народ не жалуется вас. Уж больно много обид скопилось. А все из-за того, что князей великих не жалуете.

Лицо владыки дернулось нервным тиком. Когда он подъезжал к Городищу, увидел тьму народа и понял – это жалобщики. Он знал, конечно, сколько неправды творится. «И вот ее доносят великому князю. А он, видать, не из прежних. Уж больно цепок и прозорлив. Ох, беда!» – вздохнул владыка. И понял на обеде, что не ошибся. Народ видит в князе своего избавителя. Там же, на обеде, князь сказал Феофилу, что завтра хочет послушать обедню у Святой Софии.

– Владыка, чтобы было все твое духовенство!

При выходе из собора стояла огромная толпа людей. Увидев князя, все повалились на колени, произнося одно слово: «Суда!»

– Не уеду, пока не разберусь, – ответил князь.

Народ, протягивая к нему руки, двинулся на него. И только бдительная стража сдержала их.

Как и пообещал князь, на другой день он начал суд. В присутствии всех приглашенных Иван Васильевич выслушал жалобщиков. Главных обвиняемых он тут же приказал схватить. Их помощников за 1500 рублей князь отдал на поруки архиепископу. На суде выяснилось, что боярин Иван Афанасьев с сыном подбивали народ принять короля. Их тоже повязали.

Не прошло и нескольких дней, как перед великим князем предстал Феофил, а с ним для поддержки посадник Ананьин и двое старых посадников. Он пришел просить князя отдать ему на поруки схваченных преступников. На что князь ответил:

– Известно тебе, богомольцу нашему, и всему Новгороду, вотчине нашей, сколько от этих бояр и прежде зла было, а ныне, – он укоризненно посмотрел на Феофила, – все, что есть дурного, все от них!

– Это неправда, – вдруг возмущился Ананьин, – и хоть ты великий князь, но уважать нашего архиепископа должен! – сказал посадник и зло поглядел на Ивана.

– Я знаю, почему ты так ся ведешь. И ты вместе с Афанасьевым кричал за короля. И хочешь, чтоб и за ты заступился наш богомолец. Не выйдет! Взять его!

Тот было схватился за рукоять, но рослый стражник, ударив его по лбу кулачищем, заставил посадника сесть на пол. Его схватили, обезоружили, связали по рукам и ногам и вынесли наружу. Но он успел крикнуть:

– Владыка, не сдавайся! Держись! – дверь захлопнулась.

Немного успокоившись, князь опять повернулся к Феофилу:

– Ну, богомолец наш, как же мне их за дурное жаловать?

Через несколько дней, поздним вечером, в ворота хором архиепископа проскользнула чья-то тень. Вскоре в дверях перед монахом появился человек, одетый с головы до ног в черное. Лицо укутано, одни только блестящие глаза видно.

– Я Марфа, – произнес человек, – хочу видеть Феофила. – Голос требовательный и властный.

Монах покорно исполнил просьбу. Вернувшись, он бросил:

– Ступайте, – и рукой показал, куда идти.

Разговор был коротким:

– Ты, владыка, выбран нами, новгородцами. Так и радей за них. Пушай Ананьин, коль ума нет, отвечает за свое. Но пошто это продолжается...

При этом слове Феофил поморщился, но ничего не сказал, а та продолжала:

– ...держит других бояр, почтенных для всего Великого Новгорода людей. Нужны будут деньги, я дам, – сказала, повернулась и ушла.

И опять у богомольца выдалась бессонная ночь. И он все же решил идти к великому князю Ивану. На этот раз Феофил был встречен князем с почтением. Он выслушал его и удовлетворил просьбу.

После прекращения судов знатные новгородцы стали приглашать великого князя на пиры, которые давали ради него. Каждый, к кому приходил великий князь, одаривал его дорогими подарками, преподнося меха, ковши золотые, рыбы зубья, деньги, сукно, вино, лошадей, ловчих птиц... В разгар пиршества Иван, однако, не забывал о деле. По его персту посадником был избран Фома Андреевич Курятник.

Во время одного из пиров внезапно приехал шведский посланник с просьбой о продолжении перемирия. Вновь избранный посадник, к которому по сложившейся традиции обратился швед, вдруг заявил ему:

– Все, больше мы таких вопросов не решаем.

– А кто решает? – спросил весьма удивленный посланец.

– Великий князь! – При этом Курятник поднял палец, что означало: теперь он здесь власть.

Великий князь разрешил Новгороду заключить перемирие. Уходя, довольный швед, отведя посадника в сторону, прошептал ему на ухо:

– И тебя выбирают по повелению вашего великого князя?

Фома ответил глазами, опустив веки.

Отгудели пиры, и уставший от «сердечных» приемов князь заспешил в Москву. Новгородцам понравились разбор и суд, учиненные великим князем. Теперь все чаще можно было слышать: «Я на тя найду управу в Москве!»

Через полтора месяца в столице неожиданно появился архиепископ Феофил. Он приехал к великому князю, но боялся сразу пойти к нему и вначале направился к болящему митрополиту. Феофил спросил его о здоровье. На вопрос тот ответил:

– Да слава богу, владыка, постепенно сил набираюсь. Ты зачем пожаловал?

– Да... – Феофил замялся.

– За кого-то просить приехал? – догадался Филипп.

Тот кивнул.

– Да, святейший, хочу просить, чтобы некоторых князь из уз выпустил. Без них скудеет казна новгородская. Помогнешь? – неожиданно спросил он.

Филипп подумал, потом перевел взгляд на просителя.

– Ну что ж, придется. Попрошу я господина нашего, великого князя. Пущай поможет.

Великий князь «помог». Он любезно встретил архиепископа, угостил обедом, но из заточения никого не выпустил. Расстроенный и обозленный возвращался от него Феофил.

Люди быстро узнали, с чем вернулся архиепископ, и зубоскалили на рынке.

– Ишь, ходок нашелся, – не спуская глаз с безмена, проговорил мужик, одетый в добротную шубейку, и продолжил, бросив кусок взвешенного мяса в корзину: – Один раз попросил, великий послушался. А вот во второй отказал: «Они воры и убийцы».

– Так ему и сказал? – любопытствовала какая-то баба, внимательно следя за разговором.

– Говаривают, так и сказал, – ответил уверенно мужик в шубейке.

– А что, оно так и есть, – заговорил продавец, – Москва права.

– Да, Москва права наши нам вернула, – вставила бабенка и заторопилась прочь.

И повалил народ в Первопрестольную, забыв старинный уговор: «На Низу новгородца не судить». Вскоре поехали не одинокие искатели защиты, а прикатил один из посадников, Захар

Овинов, приведя за собой многих новгородцев: кого судить, кому отвечать. Это было великое знамение: гордый и непокорный Новгород склонил голову перед Москвой. Один знатный новгородский боярин так осветил этот момент: «Такого не бывало от начала, как земля их стала и как великие князья пошли от Рюрика. Один только великий князь Иван Васильевич довел нас до этого. Ныне уж не выкрутятся. Прощай, новгородская воля!»

А тут еще новгородские заботы заставили послать в Москву двух своих послов, Назара Подвойского и Захара, вечевого дьяка, которые в своей челобитной назвали великого князя государем. Раньше только называли, а эти – написали! Как топором врубили: «Государь!» Иван Васильевич долго смотрел на это слово: «Ишь ты! Здорово-то как! Не я приказал так меня величать. Народ! Народ признал!!! Хотя раньше великих князей называли только господами».

Это событие натолкнуло князя на мысль: «Народ новгородский увидел в Москве, во мне, своего защитника, назвав меня государем. Это великая подвижка. Но осталось еще один шаг сделать – убрать вече, ибо оно может стать источником любой смуты. Не все хотят с этим расставаться. Некоторые только ждут этого момента: то Казимир подымется против меня, то татары. А пока они бездействуют, надо этим воспользоваться».

И он загорелся. Новгородцы своим обращением «зажгли» его. Не откладывая дело в долгий ящик, по его приказу были снаряжены послы в Великий Новгород. Им поручалось выяснить, какую они хотят власть. Хотят ли, чтобы в Новгороде был один суд государя (сами так называли), чтобы его тиуны вели дело и чтобы освободили Ярославов двор для великого князя?

Узнав об этом, лютой, злой вернулась Марфа к себе с вечевой площади и воскликнула:

– Они лишают нас нашей воли, которую завоевали наши предки! Будем слушать москвитян аль сами себе хозяевами будем, как раньше было?

Эти слова Марфы быстро разлетелись по Новгороду. Нашлись такие, что закипели злом, глотнув добрый ковш дармовой браги. И двинулась новгородская «рать», подстегиваемая Марфиными словами, на тех бояр, житных людей, которые за Москву ратовали. Запылали их хоромы, полилась кровь.

Дошла очередь и до посадника. Испуганный, он начал оговаривать боярина Василия Никифорова. Мол, боярин ратовал за власть великого князя на Новгородской земле. Схватили Василия. Боярин был не из слабых. Глядя в глаза посаднику, слушал, как тот его обвиняет:

– Ты перевертыш, – кричал тот, – был у великого князя и целовал ему крест на нас!

Никифоров отвечал:

– Целовал я крест великому князю! Да, целовал! Что буду служить правдою и добра ему хотеть. Но я не целовал крест против Великого Новгорода.

Но куда там! Достаточно было услышать: «целовал...», как обнажались мечи. Порубили боярина Никифорова. А потом вспомнили и поездку посадника. И он не ушел от мести разгряченных новгородцев. Много извели они тогда люда.

Вскоре взбесившиеся новгородцы прислали великому князю послание, в котором говорилось: «Вам, своим господам, челом бьем, но государем тя, великий князь, не зовем, суд должен правиться по старине, но тех, кто предал нас, будем казнить, а тя, великий князь, просим, чтоб держал ты нас в старине...» Иван отшвырнул бумагу. Все завоеванное летело прочь.

И пошел к митрополиту. Тот уже выздоравливал и, закутанный в шубу, сидел на крыльце. Взволнованный князь, подойдя к нему, спросил не о здоровье больного, а сразу заговорил о письме из Новгорода.

– Они сами захотели, чтоб я был их государем! – рычал он. – Слышишь, богомолец, сами захотели! У меня бумага их есть! А сейчас...

Во двор ввалилась толпа.

– Кто такие? – рявкнул князь, оглянувшись на их шум.

Те повалились на колени:

– Мы из Великого Новгорода к те, наш государь, пришли защиты искать! Люди там взбесились, как пьяные.

Они говорили долго. Слушали их великий князь и митрополит.

– Видишь, богомolec ты мой! Я не хотел у них государствовать. Сами просили, а сейчас...

– Не мирись, великий князь! – ответил митрополит.

Мнение митрополита поддержали и мать, и братья, и бояре, и воеводы. И великий князь, по общему благословению и совету, приказал немедля готовить полки к походу.

За входными дверьми княжеских хором послышался чей-то громкий топот. Дверь открылась, и вошел высокий человек, с ног до головы занесенный снегом. Вместе с ним ворвалось завывание метели и налетел снег. С трудом закрыв дверь, человек произнес:

– Однако, не хочет на улице мерзнуть. Так в хоромы и просится.

Он снял шапку, стряхнул с нее снег. Подскочившему дворскому бросил на руки шубейку и произнес:

– Ну и зима нынче! Смотри, великий князь, какой день все метет и метет! Когда это только кончится?

Иван Васильевич повернулся к нему.

– Ты... позови-ка ко мне дьяка Ваську Мамырева, – сказал и, сторбившись, двинулся к себе.

Да, зима в этом году вышла особая, больно снежная. Через месяц после первого, растаявшего вскоре снега ударил морозец, а за ним наступила снежная пора, то прекращаясь, то возвращаясь вновь. Но вот таких метелей, которые случились в последнее время, еще не было. И старики не помнили. Со стороны поглядеть – одна гладь снежная. Кое-где, как пни, чернели трубы боярских хором да выделялись кремлевские стены. Москвичи чистили только проходы к хозяйским постройкам, чтобы как-то поддержать животину да набрать нужных продуктов.

Дьяк Василий появился довольно быстро, если учесть, какие были дороги.

– Слушаю тя, великий князь, – войдя в светелку и ломая в руках шапку, молвил он.

– Скидавай шубейку да садись поближе.

Тот выполнил указание великого князя и присел на краешек кресла, на что князь, усмехнувшись, проговорил:

– Ты что не сказываешь мне, что преступление сделал?

Василий понял и сел как следует.

– Я тя, Василий, позвал... Ты видишь, – князь повернулся к окну, – что там творится?

Василий понял его и ответил:

– Это хорошо! Старики сказывают, к урожаю.

– Гм-м... к урожаю. А до него еще дожить надо. А ежели весна будет дружной, что случится? Сколь воды будет! – Князь уставился на дьяка.

– Да-а... – почесал затылок Василий и задумчиво произнес: – Ты прав, великий князь, воды может быть много, и затопит она низины наверняка.

– Ты, Василий, извести всех старост, кто к рекам прилип, пускай запасы готовят, закладывают их на самых высоких местах, куда воде не добраться. Понял? – приказал князь и грозно посмотрел на дьяка.

От такого взгляда дьяк заворочался в кресле. А потом, хитровато прищурился, изрек:

– Иван Васильевич, не послать ли тебе, князь, воев? Пускай-ка проверят, как исполняется твой приказ.

Князь даже улыбнулся:

– Пошлю, пошлю. Молодец, что надоумил, а то придется казну трясти. Скажи, – он отодвинул чернильницу от края стола и посмотрел на Василия, – а много ли купцов, отъехавших по делам, не вернулось?

Тот опять заерзал.

– Великий князь, кто ж мне докладывает? Уехал, приехал. Это не дитя какое.

– Не знаешь, – вздохнул князь. – Это плохо, дьяк. Купец сколь денег нам отваливает. Его и побережь не грех.

Василий заявил:

– Да мы их бережем. Запросит кто стражу, всегда даем.

– А они платят за это?

– Платят, – ответил дьяк.

– Хорошо. Мой прадед, Калита, еще тогда их берег. А скажи, Елферьевы дома аль нет?

Купцы Елферьевы были с древних времен торгашами. Много сделали как для Ивана Калиты, так и для его потомков.

Дьяк пожал плечами:

– Я сейчас же узнаю и доложу те, Иван Васильевич.

– Узнай, узнай, – ответил князь.

И Иван Васильевич вскоре услышал из уст дьяка неутешительную весть: домой купцы еще не вернулись! Повернувшись к иконе, князь перекрестился.

– Господи, не оставь их без своей помощи! – произнес он.

Да, помощь Елферьевым была нужна. Купец и его сын Василий возвращались с далекого Севера. Поездка была удачной. Вozy забиты добротной пушшиной. Егор, еще крепкий, коренастый мужик, обходя готовые к отъезду вozy, проверял каждый узел.

– Дорогой-то и задремать можно, а узелок вдруг распустится. Сколь убытку будет, – говорил он, уча сына, – а все из-за небрежности, сынок. Куда мы заехали, сколь мук испытали, и все псу под хвост? Вот, Васюта. Ты учись не только кулаками махать.

– Да я что, – басил тот, идя вслед за отцом, – ну, потешусь. Мне это и пригодиться может. Сам, батяня, знаешь, всяко может случиться. А вozy я буду проверять.

– Молодец! Стой-ка! – Он легко дернул один из узлов.

Тот сразу же распустился. Егор мгновенно взъерепенился. Он выхватил из рук возницы кнут и так огрел его по спине, что старая шубейка лопнула, точно по шву.

– Что я сказывал? – взревел купец.

– Я сейчас, я сейчас!!! Да я проверял. Каюсь, хозяин, немного недоглядел.

– А ты гляди, гляди! – И еще раз огрел его кнутом, но уже не так сильно.

Вначале пурга помогала, присыпая низины, но вдруг так запуржило, что день сравнялся с ночью. Егор забеспокоился.

– Если завтра не остановится пурга, – он перекрестился, – ох, тяжело нам будет...

Но пурга на следующий день не остановилась; остановился караван. Передняя лошадь, сбившись с дороги, угодила в топь. И чуть не ушла на дно вместе с санями. Возчик оказался шустрым, ловким. Он словно ожидал этого. Пока конь жалостливо издавал ржание, бился, погружаясь в тину, возчик успел обрубить постромки и спасти воз, за что получил от хозяина пять рублей. Но обоз встал. И его стало заносить. Возчики, стража, всего человек сорок, собрались у Егорова возка.

– Что делать-то будем, хозяин? – Этот вопрос тревожил всех.

Но и Егор не знал, что делать. Много раз он ходил на Север, но такого не случалось. Выручил Василий.

– Батяня! – с какой-то веселостью в голосе произнес он. – Я думаю, давай сани напротив друг друга ставить, оглобли подымать, на них холстину крепить...

– Верно! – вырвалось у возницы, ведшего обоз. – А малой-то... соображает. Давай, мужики!

И работа закипела.

– Овес и жратву поближе, – зычно командовал Егор.

Прошло несколько дней. Метель стала выдыхаться и наконец выдохлась совсем. Но грянули морозы. Затрещал лес. Как известно, любое начало имеет конец. Прекратились и морозы. Вскоре вышло солнце, заставив забыть все пережитое. Позабыли и о купцах Елферьевых. Тем более, как предвидел еще зимой Иван Васильевич, реки бушевали, и довольно сильно. Несмотря на все старания князя, люди, любовавшиеся разливом бурных рек, с высоких, безопасных берегов видели, как проплывали чьи-то халупы, трупы животных, нередко и человеческие.

Люди тогда печально вздыхали, крестясь, желая им рая на небе да пуха земного. Но вот всех всполошила неожиданная картина: на бревне, издавая резкие звуки о помощи, плыл... козел. Как он умудрился удерживаться, только можно было дивиться. Тут уж людская душа не выдержала. Несколько парней спустили лодку, сели за весла и, гребя изо всех сил, старались догнать козла на бревне. Народ не выдержал и побежал по берегу, на ходу давая советы, которые глотали, не долетая от бурлящего потока. Козел оказался умным животным. Увидев догоняющую его лодку, он стал кричать еще сильнее и чаще. Побоялся, вероятно, что люди могли раздумать. Но стоило им приблизиться, как козел в неожиданном скачке оказался в лодке. Какой вздох облегчения вырвался у людей, когда они увидели этот финал!

А Елферьевых все не было и не было. Их уже, как и всю команду, похоронили. Реки спали, люди пошли на свои поля. И тут многие увидели встречный необычный санный обоз. Вмиг все преобразилось. Люди, забыв, зачем они выехали, поворачивали коней, бежали к соседям с одной радостной вестью: «Вернулись! Вернулись!» Худые лошади еле тащили полные возы, хорошо увязанные, скрывающие от глаз поклажу. Весть долетела и до ушей Ивана Васильевича. Он вскочил на коня, да вроде опомнился, засомневался: «А позволительно ли великому князю мчаться навстречу пусть и знатному купчине?» и решил повременить. Он посетил купца на другой день. Неожиданно вошедшего великого князя встретил сам Егор. Его глаза поблескивали довольно странным блеском: или он еще не верил своему спасению и радовался со слезами на глазах, или так поразил его приход Ивана Васильевича. Они обнялись. Для этого князю пришлось нагнуться. После первых объятий Егор показал на сына:

– Ему, Иван Васильевич, мы обязаны своим спасением.

Князь шагнул к Василию. Купеческий сын пошел в мать, рослую купчиху из Соларева рода, тоже древнего, торгового. Князю наклоняться не пришлось. «Да, – мелькнуло в его голове, – здоров, вот бы его во дворяне!» После объятий предложил:

– Василь, иди ко мне. Дам я те землю. Дворянином будешь. Службу понесешь. Платить буду хорошо. Что те по свету мотаться?

Услышав эти слова, отец испуганно взглянул на сына: «Никак согласится?»

– Нет, великий князь, я пойду тем путем, каким идет мой батяня, шли дед и прадед. Менять ничего не хочу. Прости мя, великий князь.

– А мне ты прощать нечего. Ты правильно ответил. Мы все живем по старине, как жили наши отцы, деды и прадеды. И изменять им не будем! – И он вновь обнял и похлопал по спине Василия.

Когда князь собрался уходить, Егор встал на его пути.

– Иван Васильевич, не побрезгуй, отобедай с нами. Весь наш род будет помнить этот день.

– Ну что ж! – Князь посмотрел на Василия.

А тот говорит:

– Уважь, князь, батяню моего. Наш род завсегда был верен делам княжым.

– Я знаю и помню. За стол так за стол.

Уходил князь от них, придерживаясь за отца и сына. Уже на пороге своего дворца он вдруг отстранился от них и со словами: «Я сам», пошатываясь, поднялся на первую ступеньку. Повернувшись к ним, сказал:

– Егорушка, сделаешь правильно, если поедешь в Кафу. Езжай... – И он махнул рукой.

Княгиня встретила его с испуганным видом:

– Ты где пропал? Я тя...

– Возьми-ка! – И он вытащил из кармана ожерелье необыкновенной красоты и огромной ценности.

Увидев, она даже ахнула:

– Это откуда же?

– Купец подарил!

Князь не запамятовал и ничего не перепутал, когда сказал им, чтобы они ехали в Кафу. Егор, когда осознал, что они спаслись, вернулся к своей мысли, ради которой и пошел на опасный Север. От своих сотоварищей, которые побывали в Кафе, он слышал, что порядки там изменились. Крымский хан сильно блюдет купеческую сторону, хорошо понимая, кто приносил в его казну реальный доход. И, несмотря на усталость, Егор решил поездку не откладывать и спросил об этом у Василия. На что тот ответил:

– Батяня, отведу душу в кулачном бою, потом хоть на край света.

Егор на это ничего не сказал и решил за это время найти корабельщиков, узнать, кто может составить компанию. Если несколько купцов поплывут, страху будет меньше.

Незаметно подошло время кулачной схватки. Народ, освободившись от весенних забот, сразу после окончания посевной с нетерпением ожидал этого события. Все гадали: будет ли великий князь? Старики поговаривали, что раньше, бывало, не оставлял без внимания кулачную схватку сам Димитрий Донской! Иван же Васильевич к этому действию относился... не сказать, что холодно, но... довольно безразлично. Хотя всегда интересовался, когда будет и готовится ли место для боя. Когда его спрашивали, почему он не приходит, отвечал: «Время жаль на мордобой глядеть». На другой же вопрос: «Почему разрешает?» – отвечал: «Да это смелость в народе пробуждает». Вот и пойми князя.

Летом место готовили за рекой Яузой, где были слободы: Гончарная, Котельники, Кожевники, на площади у церкви Николы в Котельниках. Сюда же приходили с Неглинки из Кузнецкой слободы. Хоть и маловато их приходило, но это были самые опасные бойцы. Не чурались кулачного боя и кремлевские приживалы. Народу собиралось – яблоку негде упасть. А сколько среди них знатоков было!

– Не так, Микола, бьют! Снизу, снизу надо!

Но попробуй ему скажи: «Что орешь? Иди да покажи!» – в ухо тут же заработаешь. Одним словом, страсти кипели, что на поле Куликовом! Победителей чтили. Проигравших с презрением забывали. Другой кумир появлялся. Зимой кулачный бой чаще всего проходил на Москве-реке. Снег с реки убирали. Народ размещался по обоим берегам. Многие и на лед спускались. Сколько было хохоту, когда от ловкого удара катился побитый к ногам толпы. Пощады, жалости от этой толпы не жди, кроме насмешки. А у кого скула свернута, половины зубов нет, приговор один: «Слабак, сиди на печи».

И вот день кулачного боя наступил. Деревья вокруг облепили мальчишки. Начинили бой мальцы с обеих сторон. Когда первые ослабевали, к ним на помощь спешили старшие. Незаметно в бой вступали мужики. Все смешивалось. Более кучно билась Кузнецкая слобода. Ей и кричали победу. И вот на поле появлялись несколько бойцов-удальцов. Среди них и Василий. Это была сборная группа. Тут могли быть и бояре, и купец, и возчик, и стражнику место находилось. Кулаки у парней так и чесались. И начиналась потеха. Эта группа, как таран, громила слободских, встречались они и с кузнецкими. У них отважным бойцом считался мужик по прозвищу Обух. Его прожженные, почерневшие кулачищи били точно обухом. Как «приглядит» чью голову, считай, отпелся, воробышек. Многих даже вид его пугал. Черное, прокопченное лицо с густой бородой, светящиеся злостью глаза из-под мохнатых бровей наводили страх. Василий уже раз встречался с ним. Еле на ногах устоял. Но искр из глаз было... чуть матушку Москву не поджег. Но не та кровь текла в купеческом юноше. Уж очень хотел он

поквитаться с силачом. Не очень-то хотелось носить на себе пятно проигравшего. Целый год готовился, нанимая бывалых мужиков.

И вот пришло время посчитаться. Обух ощерился. Узнал, кого бил. Вся его заросшая физиономия говорила о том, что он не сомневается в своей победе. Не находилось еще молодца, что устоял бы перед ним, Обухом. Это прозвище ему нравилось. Оно было пугающим, угрожающим. Все, увидев, кто с кем должен биться, забыли своих противников.

Встреча с Обухом становилась решающей. Или Кузнецкая слобода вновь возьмет верх, или... Обух не очень осторожничал. Это было видно по тому, как он держал опущенные руки. Только глаза зорко следили за купчиком. «Сейчас я тебя успокою!» – говорили его мясистые губы. И... неожиданный выпад. Его пудовый кулачище просвистел в воздухе. Казалось, невозможно спастись от такого резкого, неожиданного выпада. Однако... Василий не зря потратил год, чтобы научиться увертываться от удара. Тот слегка задел его ухо. Но это был пустяк. Ответ последовал незамедлительно. Бил он левой, снизу вверх, попадая в скулу. Удар, в который купчина вложил всю свою силу, был настолько силен, неожидан, что голова Обуха откинулась назад, а в шее что-то щелкнуло. Руки у него вдруг повисли, он глотнул воздух и, выпучив глаза, грузно повалился на Василия. Тому даже пришлось отскочить в сторону. Все застыли на какое-то мгновение. Товарищи Василия, почуяв, что победа почти в их руках, ринулись на кузнецких слободчан. Те какое-то время отбивались, но потеря Обуха сказалась на их воинственном пыле. Они... позорно бежали. Как оказалось, за ходом кулачного поединка с интересом наблюдал великий князь. Его увидели, и толпа закричала:

– Великий князь, награду! Награду! Награду!

Тот поднял руку. Толпа стихла, и все услышали задорный голос:

– Бочку браги и жареного быка!

Награда понравилась толпе.

– Слава Ивану! – закричали тысячи глоток.

Князь довольно улыбался.

Вернувшись домой, Василий, переполненный радостью от победы над самим Обухом, не мог ни с кем ею поделиться. Мать была категорически против его участия в боях, говоря, что не купеческое это дело – биться, как простолюдины спьяну, на кулаках. Она даже не стала слушать Василия, который пытался рассказать ей о бое. Поняв, что речь пойдет о кулачном бое, она, плюнув, произнесла:

– И это мой сын, как какой-то черный простолюдин, дерется на кулаках! Тьфу! – и демонстративно покинула комнату.

– Когда батяня вернется? – крикнул он ей вдогонку.

Но мать не ответила. Егор сказал ей, что отъедет на несколько дней. Куда, зачем, пояснять не стал. Она хорошо знала: муж из-за суеверия ничего никому не скажет.

А он, готовясь к поездке в Кафу, рыскал в поисках подходящего судна. На его взгляд, старые кербаты, лодии, учаны, паузки и прочие плавающие судна для поездки в Кафу не годились. Он видел хорошие, емкие судна, корабли с каютами и пытался такие найти. И... нашел! И не где-нибудь, а в Подмоскowie. Подумать только! До сих пор строительством подобного рода никто здесь отроду не занимался. Но нашелся один, боярин. И не очень знатный, Петр Нарыш.

А все началось в Великом Новгороде, куда Нарышу пришлось приехать. Когда Иван Васильевич как почетный гость стал посещать именитых новгородцев, про боярина забыли.

И вот боярин, гонимый тоской от безделья, начал ездить не только по городу, но и по его окрестностям. Посещал старые монастыри, разговаривал с монахами об их жизни. Много услышал и о былом. Даже узнал, что находились смельчаки атаманы, которые забирались далеко, за три моря. Добычу привозили богатую. Им, монастырским, хорошо помогали.

Может, этот случайный рассказ и натолкнул боярина на какую-то мысль. Однажды, в одну из подобных поездок, он встретил странный обоз. На нескольких десятках подвод везли

хорошо отструганные доски, полуизогнутые и почти квадратные, поделки, бревна, напоминающие корабельные мачты.

– Неуж корабль везете? – спросил он у переднего возчика.

– Корабль! – ответил тот и хлестнул коня. – Но-о!

Спрыгнув со своей лошади, держа ее за узду, он попросил разрешения присесть рядом.

Мужик покосился на него. В его голове пронеслось: «Однако, непростой он – по шубе видно. Уж не боярин ли?»

– Садись, коль хочешь. – Мужик подвинулся.

– А где корабль-то срубили?

– Да на Онежье. Лесу там – ой, мать родная! Руби, не ленись. А вот везем на Балтию.

Там соберем.

– А-а-а, – понятиливо протянул Петр.

– А не скажешь, мил человек, тя-то как кличут? Мня Петро, а тя?

– Да я Иваном буду. Но-о! – и дернул вожжами.

– Скажи, Иван, а кто... умелец такой? А?

– Умелец? Да немец Курт. Он позади в кибитке едет. Он учил и следил.

– А сколь он взял, не знашь? – спросил Петр, поправляя мачтовую деревягу, упершуюся ему в бок.

– Да берет в год... деньжищи огромные... пятьдесят рублей, еще двадцать его помощнику. Ну, кормежка, крыша – все давай.

Мужик, видя, как задумался боярин, решил ему помочь.

– Выгодное это дело, – промолвил, – отвезешь раз-другой купцов, и все вернул. А корабль-то сколь может, если не утонет, прослужить! Его только по весне просмолить надо. И готов. Но-о!

– На, держи! – Петр достал из кисета рубль и подал мужику.

Тот от изумления даже открыл рот: «Такую деньгу за такой пустяк...»

– Ну, бывай! – кивнул боярин и спрыгнул на землю. Конь, послушно следуя за возком, доверчиво ткнулся мордой в щеку хозяина.

– Подожди, дружок. – Хозяин ласково похлопал его по морде.

Кибитка, в которой ехал немец, подошла, и боярин постучал в дверцу, ведя за собой коня. Дверца открылась, и показалась голова в мохнатой шапке. Увидев прилично одетого незнакомца, немец спросил:

– Вам чего?

– Разговор есть, – ответил боярин.

Немец посмотрел по сторонам. Увидев, что незнакомец один и держит за узды хорошего коня, ответил:

– Слушаю.

Недолго боярин уговаривал Курта. Мужик оказался прав. Запросил немец столько, сколько тот сказывал. Вскоре кибитка выехала из общего строя и, дождавшись, когда проедет обоз, повернула назад, а Курт появился в боярском тереме. Он оказался весьма деловитым. Тотчас попросил, чтобы нашли дровосеков – готовить лес.

Когда прошла большая вода, боярин и Курт поехали вниз по реке, нашли укромную заводь, где Курт и начал свое строительство. Петр понимал, что местные мастера могут и сорвать работу, побоявшись, что заказы на их устаревшие суденышки могут закончиться, ибо судовладельцы захотят иметь новые корабли. Поэтому боярин все держал в строжайшей тайне даже от великого князя, которого мечтал покорить построенным кораблем. Хватит ездить во Владимир! И в Москве будут свои корабли.

Когда корабль был почти готов, немец предложил купцу тайно приехать и осмотреть его. Вот туда-то и отправился Егор на встречу с Нарышем. Осмотр просто покорило его. Такого чуда

он не видел нигде. А сколь товара можно поднять! Не надо много людей, как раньше было. А какая каюта! Да в такой и на край света можно.

Домой купец возвращался в приподнятом настроении. Цена его вполне устраивала. Скоро спуск, и... до свидания, Москва!

Егор вернулся домой поздно ночью. По его цветущей физиономии матушка поняла, что хозяин вскоре отбудет невесть куда. Она только вздохнула и спросила:

– Есть-то будешь?

– Не-е, – веселым голосом ответил он, – с боярином Нарышем отобедали мы.

А утром, встретившись в едальне с Василием, он осмотрел его лицо.

– Ты... Что, не было? – спросил батяня, садясь за стол и беря кусок свежего хлеба.

Понюхав, он отщипнул кусочек и бросил его в рот.

– Было, – ответил Василий, и глаза его засияли.

– Что... побил? – поинтересовался отец.

Сын, растаяв, рявкнул:

– Побил. Побил самого Обуха!

Отец тяжело вздохнул, словно сбросил с плеч куль с мукой.

– А у меня тоже радостная весть: скоро поплывем в Кафу!

– Да ну, – удивился сын, – нашел лодии?

– Что лодии? Корабль!

– Корабль? Да откуда он у нас? – удивился Василий.

– Есть, однако, у нас головы, что думают, как нашему брату лучше сделать. Вот великий князь оглядит – и в путь.

– Ну, батяня, порадовал! А то я было затосковал. Дома-то что? Надо товар искать.

– Свой отвезем, а у них купим, – сказал отец.

Но радость была преждевременной. Ночью к ним неожиданно кто-то постучал в ворота. Мужик, сходя к воротам, быстро вернулся и поднял хозяина.

– Там, Егор, ты боярин Нарыш кличет.

– Что такое? – в тревоге сбросив покров, вскочил Егор.

Набросив на плечи кафтан, выскочил во двор. Там боярин, нервно постукивая плетью по перилам крыльца, ошарашил Егора.

– Корабль... сожгли! – чуть не рыдая, сообщил Петр.

Егор, как мешок, опустился на ступеньку крыльца.

Глава 8

Рим справлял праздник. Площадь Святого Петра забита народом. Все разряжены, кто во что: много пиратов, разбойников, бандитов, ведьм, чертей... Почти все в масках. Узнай, кто под ней. А сколько разных лоточников, которые разносили свои товары! Тут и серьги, ожерелья, бусы, кольца... А разной еды – от пирогов до копченостей! Слюни текут! Кругом смех, радость.

Только вот с завистливым взглядом стоит семейство Палеолог. Судьба до сих пор насмеялась над когда-то знаменитым семейством. Деньги, принесенные Виссарионом, закончились. А он не появлялся. Жили на то, что удавалось продать из рукоделия Софии, из остатков мебели.

Андрей грозился уехать к дяде, да все как-то не решался. Неожиданно к ним подошел какой-то незнакомец в образе венецианского дожа.

– Отчего нет радости на ваших лицах? – насмешливым голосом спросил он. – Веселитесь! Ведь сегодня День святого Петра!

– Иди отсюда! – в сердцах бросил Андрей, поправляя выцветшую куртку.

– Ты зря мне грубишь, – пробасил вдруг ряженный дож, – я хочу вас порадовать! Держи! – И он подал Софье кошель.

В нем звенели монеты.

– Радуйся, красавица! – крикнул он и исчез в толпе.

Андрей выхватил из ее рук кошель, да так быстро, что она не успела опомниться, и развернул его. Там сверкали золотые дукаты!

– Ура! Живем! Бог не оставил нас!

Блеск золота затмил все мысли, кроме одной: поскорее поесть. Да, так приземленно мечтало семейство, носящее фамилию людей, владевших половиной мира. Такова превратность судьбы. И они, не сговариваясь, ринулись к близстоящему лоточнику. Покупали все, что попало им под руки.

– Эй, вы! – крикнул напуганный торгаш. – А деньги?

– Держи. – Андрей сунул ему в руки золотой дукат. Торговец опешил.

У него едва хватило суммы на сдачу, которую он собирал несколько дней.

– Сдачи не надо, – великодушно заявил Андрей.

Но его перебила Софья:

– Нет, нужно. Деньги даны мне!

Торгаш посмотрел на Андрея. Взгляд его, молящий и просящий, не подкупил Андрея.

– Да, – тягостно вздохнул он, поняв свою ошибку, – она хозяйка.

И их кошель потяжелел от медяков.

За всем происходящим, не спуская глаз, смотрел какой-то мужчина. Одет он был во все черное: черный плащ, черная маска на лице, черная, с широкими полями, шляпа. Его вид говорил о том, что он не хотел, чтобы его узнали. Наблюдая за происходящим, он сказал себе два слова: «Пора приступать». И, натянув шляпу еще ниже на глаза, повернулся и заспешил прочь.

Приглашение к кардиналу Виссариону видного римского строителя Марка Фрязина весьма удивило и обрадовало его. «Наконец-то признали мой талант», – собираясь на встречу, подумал он. У входа во дворец его встретил приходивший к нему монах. Тихо сказал:

– Следуйте за мной.

Он повел его таким лабиринтом коридоров, что Марк подумал: «Уж не заблудился ли он?» Но монах привел туда, где его ждал кардинал. Это было узкое серое помещение с высоким потолком и небольшим окном наверху. Мебели почти не было. Но было много старых книг,

которые, видимо, берегли пуше глаза. Посередине – стол с двумя стульями. На нем горела толстая свеча и стоял кувшин с двумя глиняными бокалами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.